

протоиерей Алексей Уминский

Подросток в семье и Церкви

Преодоление зон недоверия

Оглавление

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗРОСЛЕНИЯ.....	4
Почему подростки уходят из Церкви?.....	4
<i>Когда религия - просто формальность</i>	4
<i>Одиночество в церкви</i>	4
<i>Честный разговор о добре и зле</i>	5
<i>Как научить подростка слышать Бога?</i>	5
Разговор о любви	6
<i>Диалог с подростком о половых отношениях. Возможен ли он?</i>	6
<i>Соблазны Всемирной паутины</i>	7
<i>Позиция родителя: жестко контролировать или махнуть рукой?</i>	8
<i>Опыт греха не бывает безболезненным</i>	8
<i>Если ребенок переступил черту</i>	9
<i>Задача родителей - искать общий язык со своим подростком</i>	10
Конфликт поколений.....	10
<i>Нужны ли детям запреты?</i>	10
<i>Не дайте себе и детям превратиться в цифру!</i>	10
О детской вере: от ребенка к подростку.....	11
Детская вера и родительские иллюзии	11
Ребенок в неверующей семье	12
Обрести веру еще не значит обрести Бога	12
Как не навредить детской вере?	13
О детской мере терпения	14
Родители, не ссорьтесь перед службой!	15
Причастие — это праздник для всей семьи	15
Как подготовить ребенка к Причастию?	16
Детская исповедь	16
Роль прихода в подготовке ребенка к первой исповеди	17
Детский пост: еда на последнем месте	18
О детской молитве	18
Может ли свободный человек быть «рабом Божиим»?	19
Когда наступит Царство Небесное?.....	21
Почему смерть нельзя «задобрить»?	23
Кого Господь зовет на свой пир?	25
О святости Церкви.....	27
Что такое «соборная Церковь»?	29
Спасутся ли животные?	32
<i>Об авторе</i>	33
<i>Об издательстве</i>	33

Аннотация

Подростковый возраст ребенка ставит перед родителями множество новых вопросов. Как говорить с подростком? Как сохранить с ним эмоциональный контакт? Как заслужить его доверие? Как уберечь от соблазнов мира? Для верующих родителей не менее болезненно звучит еще один вопрос: почему подростки уходят из Церкви?

В новой книге настоятель одного из московских храмов, духовник православной гимназии протоиерей Алексей Уминский делится своим опытом - пастырским, педагогическим, отцовским. Он рассказывает, чем поддержать своего «неудобного» подростка и как сделать так, чтобы его душа не закрылась для Бога.

Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви ИС Р17-704-0123

Предисловие

Переходный возраст ребенка - испытание для родителей. Иногда достаточно суровое. Это проверка на прочность внутрисемейных отношений, традиций, правил. В определенном смысле - это испытание веры. Своей драматичностью подростковый кризис может сравниться лишь с кризисом среднего возраста: ведь разочарование в прежних ценностях и мучительное желание обрести новые - основа обоих состояний. Возраст родителей, рождающих первых детей, чаще всего колеблется около 25 лет, вот и выходит, что самые тяжелые личностные кризисы родители и дети часто переживают одновременно. И несносное поведение подростка кажется еще одним свидетельством ошибочности всего, что нами говорилось, делалось и создавалось. И родители, конечно, принимают вызов, пытаются найти решение. Печально, что часто в попытке помочь своему подростку мы думаем вовсе не о нем, а о себе. В его переживаниях чувствуем свои, а не его проблемы, смотрим на него сквозь собственные разочарования и надежды. А тем временем поведение и состояние ребенка ухудшаются. В этот период многие подростки отдаляются от Церкви.

«Ну почему он так со мной поступает?!» - восклицает измотанный взрослый. Чтобы дать себе шанс это понять, нужно прежде попытаться понять самого подростка. Сделать то, что призывал через притчу о милосердном самарянине сделать Христос - сместить наконец фокус с себя на ближнего. Не так важно, кто есть мой ближний, важно - кому ближним могу быть я? Не важно, почему мой подросток ведет себя не так, как желает мое родительское тщеславие, важно, что происходит в душе моего ребенка и как облегчить его боль. Ведь за грубостью, безответственностью или еще чем-то внешним и характерным для подросткового возраста всегда прячется боль ранимой души и страх перед взрослением и взрослыми.

«Взрослым нельзя всего говорить - им ведь никогда по-настоящему не объяснишь, почему ты сделала что-нибудь такое, что они считают плохим. Я рада, что в мою душу заглядывает только Бог и что люди не могут этого сделать...» - это слова прекрасной героини романа Ирмгард Койн «Девочка, с которой детям не разрешали водиться». Хорошо, когда подросток, чувствуя свое одиночество в мире,

где все взрослые заодно, не теряет доверия к любящему и прощающему Богу.

Но случается, не только церковную жизнь, но и саму веру в Бога подросток отрывает от себя как нечто чуждое, навязанное ему родителями. Бывают и более тяжелые ситуации, когда ставится под сомнение ценность самой навязанной Богом и родителями жизни.

Чем поддержать подростка на этом сложном рубеже, как согреть его душу, чтобы она не закрылась для Бога? Можно ли помочь ему в правильном выборе между созиданием и саморазрушением? И главное, что чувствует, проходя этот рубеж, так непросто взрослеющий ребенок? Новая книга протоиерея Алексея У минского поможет родителям ответить на эти вопросы. В основе этой книги лежит цикл тематических радиопередач отца Алексея, его доверительные беседы с родителями непростых подростков, а также разговоры о смысле жизни, вере и Церкви со старшеклассниками Свято-Владимирской школы, духовником которой отец Алексей является уже много лет. И эти разговоры со школьниками в составе книги замечательно дополняют слова автора, обращенные к родителям. Конечно, все в руках Божьих, но и от того, как и что мы говорим подросткам о нашей вере, зависит их возможность сделать ее своим личным достоянием.

Надеюсь, что эта книга вдохновит родителей подростков найти силы и новые решения для преодоления кризиса. Не стоит забывать, что кризис - это всегда шанс что-то исправить, изменить к лучшему. Еще один шанс, который дает нам Бог.

*Владимир Лучанинов,
главный редактор издательства «Никея»*

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ВЗРОСЛЕНИЯ

Почему подростки уходят из Церкви?

Когда религия - просто формальность

Подростковый возраст - это индикатор семейных отношений, возраст болезненный, тонкий, чувствительный. Поэтому все, что с подростком происходит, - его негативные реакции, протестные состояния, грубость и колкость, нежелание подчиняться - все это вылезшие наружу наши родительские недоделки, наша родительская нечуткость, непонимание. А в христианских семьях это еще и какая-то часть нашей собственной религиозности, нами не до конца понимаемая и неотрефлексируемая и тем самым направленная на наших детей не всегда лучшим образом. Вот этот фактор непонятой, непережитой нашей религиозности, воспринятой часто поверхностно, воспринятой формально и схематично — это одно из самых колоссальных недоумений в жизни подростка. Потому что он перестает себя в этом смысле понимать. Он с ужасом обнаруживает, что мир, который для него открывается в реальности, не совпадает с тем миром детства, с тем миром понятий о Боге, понятий об отношениях между людьми, которые внушались родителями, воскресной школой и даже священником в течение долгих-долгих лет.

У взрослеющего человека отношение к Церкви меняется, оно уже не будет таким, как в детстве, - такое внутрисемейное, внутриприходское, где все хорошо, все правильно и вообще думать ни о чем не надо. Жизнь в представлениях маленького ребенка очень проста. Он знает от папы и мамы, что стоит ему только помолиться - и Бог тут же поможет. Но вот подросток в какой-то тяжелой ситуации вопиет к Богу, молит о помощи - и ничего не происходит. А действовать самостоятельно он не научен, потому что родители внушили, что Бог обязательно услышит и обязательно исполнит то, о чем будешь просить. Почему? С какой стати мы решаем за Бога? Нам так проще. Мы как бы отвязываемся от решения очень многих проблем детства. То есть мы, родители, сваливаем на Бога то, что должны были решать сами.

Вот эта ситуация, когда «Бог не слышит», - одна из самых серьезных причин отхода подростка от Церкви. Ведь папа с мамой обещали, что стоит только помолиться - и все будет хорошо! Никто не говорил с ребенком о том, что в этом мире много страданий, о том, что огромное количество людей молятся Богу в самых тяжелых ситуациях, и их молитва может остаться без ответа. Подросток не понимает, что в каких-то случаях Бог приходит на помощь, когда человек начинает действовать.

Далее, подросток начинает видеть Церковь иначе, нежели в детстве, многое из того негативного, что он раньше слышал о Церкви, оказывается похожим на правду. В его подростковом сознании это приобретает гиперболические, очень напряженные формы, потому что в этом возрасте недостатки не прощаются, они сразу вызывают отторжение.

Одиночество в церкви

Еще одна причина отхода подростков от Церкви - непонимание происходящего на богослужении. Все эти действия и слова для них привычны, но бессмысленны. Никто не удосужился объяснить им в детстве смысл молитвы «Отче наш», например. Возможно, каждый день с полуторамесячного возраста ребенок с родителями читал вместе «Отче наш» утром, вечером и в течение дня. Но для него в этом нет никакого эмоционального и смыслового усердия души. Не многие из подростков понимают очевидные вещи, когда речь идет о таинствах Церкви. И даже если мальчик прислуживает в алтаре, а девочка поет на клиросе, это ни от чего не спасает. Часто священник приглашает подростков в алтарь не ради того, чтобы воспитать в них благоговение перед богослужением, а лишь для того, чтобы прихожане умилились, чтобы архиерей, приехавший в храм

служить литургию, похлопал настоятеля по плечу и похвалил его.

Подростку в Церкви бывает чрезвычайно одиноко, здесь нет дружелюбного пространства для него, и самое главное - здесь нет никаких смыслов, которые могли бы его тронуть.

К счастью, так не везде. Есть много прекрасных приходов, где к детям и подросткам относятся с огромным интересом, где воскресная школа — это пространство интересное и свободное, где организуются походы, лагеря, подростковые клубы, подростковые театры.

Как еще можно помочь подростку? Как сделать, чтобы и молитва, и таинства у него по мере взросления начинали для него звучать по-новому? Нужна специальная духовная литература для подростков, где бы говорилось о тех вещах, с которыми им предстоит встретиться. Давно пора, например, составить определенные молитвенные правила, в том числе Правило к Причастию: не перевести на русский язык, а просто сочинить молитвы, которые бы кратко обозначали внутренний мир подростка. Наши взрослеющие дети нуждаются в культурной среде - в нормальной литературе, в фильмах, в спектаклях, говорящих на их языке. Наступило время, когда о проблемах подростка можно говорить в церкви, в том числе на языке молитвы, на языке создания подростковых сообществ, военно-патриотических и скаутских клубов.

Честный разговор о добре и зле

Ребенок сталкивается с серьезными проблемами - непонимание, незнание Бога, незнание себя. Подростки, не привыкшие к ответственности, проблему просто исключают, отказываются ее решать. Но есть и те, кто начинает размышлять. Здесь важна роль священника. Он может помочь правильно сформулировать вопрос, правильным образом выстроить разговор, чтобы дать понять подростку, что сейчас у него такой возраст, когда рождается собственная внутренняя, мыслительная, эмоциональная, духовная жизнь, и это тот путь, по которому он может идти дальше, как взрослый человек. С подростками такие разговоры не бессмысленны, но для этого надо уметь с ними говорить, как со взрослыми, то есть разговаривать на экзистенциальном уровне - о проблематике добра и зла, страдания, понимания Бога, непонимания Бога. Надо дать понять подростку, что все люди сталкиваются с этими вопросами, что он не одинок в своих переживаниях, что его собственное состояние не уникально. Часто подростку негде это услышать. Родители говорят ему: «Ты же раньше был верующий, ходил в церковь, молился. Что же ты так опустился?» И вместо того, чтобы общаться со своим ребенком, взрослые начинают читать акафисты, молиться иконе Божией Матери «Прибавление ума». Детям в верующих семьях навязывается чувство вины и это называется покаянием, смирением.

Тему смирения очень просто использовать для манипуляции. Вообще, когда воспитание подменяется манипуляцией, в конечном итоге неизбежно наступит кризис. Манипуляция работает, пока ребенок маленький и слабый. А подросток тоже начинает манипулировать - покупать, подкупать, пугать и так далее, то есть использовать те механизмы, которыми пользовались родители. Манипулировать маленьким ребенком проще, чем его воспитывать. «Если ты не будешь есть кашу, я тебя любить не буду, не будешь слушаться - придет бес, тебя заберет» — вот это способы манипуляции. Их миллионы в родительском арсенале. Почему-то считается, что это воспитание.

Как научить подростка слышать Бога?

Мой рецепт очень прост: детям не надо врать. Не надо с самого начала твердить заученные фразы, в которые сами родители не верят. Надо разобраться с собственной религиозностью. Люди не очень понимают, что такое правило, а что такое молитва. И когда попадают в очень тяжелые ситуации,

скажем, тяжелая болезнь ребенка, они сразу начинают не на молитву рассчитывать, а на чудо. И с ними происходит то же самое, что и с подростком, - глубокое разочарование. Это отсутствие собственного опыта молитвы. Например, сейчас популярны «молитвы по соглашению». Иисус же сказал: *Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18: 20). Люди думают, что Он сказал как раз об этом: если мы сейчас соберемся, пять человек, и в определенное время будем читать какой-то акафист, то вот все будет так, как Он нам обещал. Но Он обещал не это! Он говорил о Церкви: где двое или трое собраны во имя Христа - это Церковь, которую слышит Бог. Но это не собрание трех, или четырех, или пяти, или двадцати людей, которые будут, так сказать, принуждать Бога, ставить Бога в положение обязанности - мы Тебя заставим, мы Тебя к стенке-то припрем. И тут та же история: они молятся - а нет результата!

Это отсутствие личностного отношения человека к Богу. Люди не знают, не умеют слышать ответ на свои молитвы. Они представляют себе ответ на молитву как сиюминутное исполнение желания. Или вообще не понимают, как Бог может отвечать. Спросите у человека: «А ты у Бога просил? А Он тебе что ответил?» На вас посмотрят с недоумением: «А что, Он разве должен отвечать?» Если все идет вот таким порядком, то никогда никакого слышания Бога у человека не будет.

Разговор о любви

Диалог с подростком о половых отношениях. Возможен ли он?

Сейчас такой диалог вряд ли возможен. Надо начинать с разговора с родителями. Для этого необходим, наверное, православный психолог, который начнет разработку системы внутрисемейных отношений, объяснит родителям особенности подросткового возраста, поможет нащупать ключевые слова, научит быть внимательными, чтобы не разрушить отношения с детьми. А потом уже нужно постепенно вводить в православных школах систему таких занятий психолога со старшими детьми. Я, например, как священник уже готов разговаривать на эти темы с подростками в нашей православной гимназии. У них такая степень доверия ко мне, что они не боятся мне задавать эти вопросы, поэтому диалог возможен. Но родители никогда на это не согласятся, они ждут от православной гимназии совсем другого. Однажды родители первого класса пришли ко мне возмущенные: «Батюшка, какой ужас! Наши дети такое приносят из вашей православной гимназии! Один мальчик девочку стал учить сексу в раздевалке, представляете?!» Я принялся выяснять, что же это у нас такое в первом классе происходит. Оказалось, мальчик очень популярно объяснил девочке, что секс — это когда дяденька целует тетеньку. Вот, казалось бы, отличная возможность родителям с детьми уже начать разговаривать на эту тему! Дяденька целует тетеньку, папа целует маму, мы любим друг друга - можно пока на этом уровне уже начать какой-то разговор. Но нет! Это же ужас! Волосы дыбом! Караул! Из православной гимназии приносят слово «секс»!

Пока родители будут так реагировать, невозможно ни о чем говорить. Например, опыт первой подростковой влюбленности - как с ним быть? Окружающий мир настроен на очень свободные и уже вполне взрослые отношения в подростковом возрасте, порог сексуальности понизился и законодательно, и в общественном сознании, а представления о половом воспитании у нас просто нет. Стоит только заговорить о сексуальном воспитании, это сразу вызывает такие волны негодования у родителей, что к этой сфере невозможно даже приблизиться. У меня был случай, когда я читал лекцию в одной из стран Прибалтики, на православном приходе. Прибалтийские страны входят в ЕС, при этом там по-прежнему очень много русских и русскоязычных, так что Православие там - одна из крупнейших конфессий. И вот когда я общался на приходе с родителями по поводу подросткового периода, они все жаловались мне на то, что в зарубежных школах сексуальное воспитание - обязательный предмет: «Какой ужас! Что они там услышат? Чему их там научат?» Действительно, в том виде, в каком оно существует на Западе, его нельзя назвать полезным. Но и полное его отсутствие

не является нормой.

— А в вашей жизни не было сексуального воспитания? - спрашиваю я.

— Да нет, конечно! Мы же все учились в советских школах, там все было хорошо, все было правильно.

— Хорошо, - говорю, - а где вы впервые узнали что-то на эту тему? Хотите, я вам расскажу? В школьном туалете, в подъезде, от старшего, уже опытного товарища, который принес в школу и распространил очень неприличные фотографии, рассказал сквернейшие истории, обсмеял все, что мог обсмеять. Это был ваш первый опыт. Или, может быть, кого-то сексологи просветили? Поднимите руку, если такие есть.

Никто не поднял. И при этом родители уверены, что никакого сексуального воспитания в их время не было. А оно было и продолжается именно в этом ключе, таким же доисторическим образом. При этом у детей возникает ужасный внутренний разлом, разрыв, непонимание себя, непонимание своих эмоций, своего тела, своих желаний. С одной стороны - блокада со стороны родителей, полное неприятие этой темы; с другой стороны - иллюзия, что никакого сексуального воспитания вообще нет. Эта проблема вообще не поднимается ни в одной православной педагогической системе. Если в гимназии я предложу нашим родителям хотя бы пригласить психолога, православного психотерапевта, который мог бы с детьми провести урок полового воспитания, я представляю, какой это вызовет взрыв негодования, какие обвинения и желание забрать детей «из этой страшной развращающей детей школы». Потому что у нас целомудрие!

При этом существует реальность за стенами православной гимназии, воскресной школы, за стенами нашего дома. Наши дети с ней встречаются, и у них нет никакого представления, как себя вести, каким образом на что реагировать, какие опасности их подстерегают. Особенно это касается девочек. Они уже в 14-16 лет могут выглядеть вполне взрослыми, ими могут интересоваться вполне созревшие мужчины. Этих девочек очень легко обмануть, соблазнить, их очень просто запутать. И это происходит. Иллюзия, что у нас в православной среде, как и в Советском Союзе, «нет секса», к сожалению, оборачивается для детей самыми трагическими психологическими последствиями.

Соблазны Всемирной паутины

В наше время, когда дети так или иначе могут зайти на сайт самого непристойного содержания, перед нами стоит очень непростая задача - научить их противостоять соблазну.

Если ребенок заходит на порнографические сайты, это, как правило, не остается незамеченным родителями. Так или иначе тайное становится явным. Либо родитель, включая компьютер, понимает, где побывал его отпрыск, либо видит в телефоне. Мне кажется, это не повод для наказания ребенка или для родительского сердечного приступа: «Как же это могло случиться с нашим Петенькой!» Этого не случиться не могло! Поскольку сексуальным воспитанием занимается у нас интернет, улица, старшие приятели, этого не может не случиться. Либо ребенок случайно нарывается на такие вещи, либо его уже более опытные товарищи к этому приводят. И все, он залип и сам оторваться не может. При этом у него кошки на душе скребут, ему не по себе, он чувствует, что это отравы. Для детей бывает большим облегчением, когда родители узнают правду. Для них это спасение, возможность, наконец, оторваться, потому что самостоятельно им это сделать очень трудно. Со взрослыми происходит то же самое. Дело даже не в том, что это способ снятия стресса. Дело в том, что от этой отравы человеку очень тяжело самому освободиться.

Когда вдруг родители становятся свидетелями подобных вещей, не надо кричать, не надо топтать ногами, не надо запугивать, не надо устраивать истерики, обвинять во всех грехах, плакать,

хвататься за ремень. Раз это вылезло наружу, у вас есть прекрасный повод разговаривать уже напрямую. Так воспользуйтесь случаем! Ваш ребенок будет вам страшно благодарен за этот спокойный взрослый разговор. Вы снимете с его души огромный камень и поможете избавиться от этой зависимости. То есть вы его спасете.

Тема полового воспитания - одна из самых болезненных тем между родителями и детьми. Здесь возникает отторжение, непонимание. Подростку просто не к кому обратиться с его не очень удачным опытом первой влюбленности, первых отношений, ему не с кем поговорить, чтобы как-то все это осознать, обсудить. Он даже на исповеди этот грех, если он случится, не будет рассказывать. Вот она, степень доверия между подростками и взрослыми! В этой области доверия практически нет. Влюбленность, отношения мальчика и девочки, отношения близости - одна из зон недоверия и непонимания между поколениями. Одна из...

Позиция родителя: жестко контролировать или махнуть рукой?

Какую тактику выбрать, когда подростка «понесло», может решить только сам родитель. Общего совета тут быть не может, потому что все дети очень разные. Можно попробовать идти жестким путем, но только в том случае, если тебе глубоко интересен сам ребенок, если ты хорошо понимаешь, что происходит с ним. Если ты это делаешь не для того, чтобы со стороны твоя семья выглядела благопристойно и благообразно, а только исходя из интересов ребенка. Просто ты знаешь, что может случиться беда, если ты его сейчас не остановишь. А если ты уверен, что твой ребенок сможет сам вовремя остановиться, можно дать ему свободу, дать почувствовать ответственность за свои поступки. Ответ на вопрос «как лучше?» всегда лежит в области понимания и любви, когда любишь ребенка не за что-то, а просто потому, что он есть. Вот если это чувство есть, то возможна и жесткость, и мягкость. Недопустима позиция «у меня своих дел по горло, делай что хочешь» или, наоборот, «ах ты, скотина, я тебя сломаю через колено». И в том, и в другом случае сам ребенок родителю неинтересен.

И еще, прежде чем что-то требовать, стоит напомнить себе: подростки еще не имеют серьезного чувства ответственности. Более того, в этом возрасте ребенок старается максимально избегать ответственности, ему нравится быть безответственным, как ребенок. Но, с другой стороны, у него амбиции взрослого человека. Вот этот зазор между амбициями взрослого и детской безответственностью ставит подростка в шаткое положение. В этом нет ничего удивительного, это надо просто понимать и не требовать от ребенка больше, чем он может.

Опыт греха не бывает безболезненным

Внутри любого человека, мне кажется, стоит определенный духовный «ограничитель скорости». Это связано не только с совестью, но и с самой богоподобной природой человека, с образом и подобием Божиим в человеке, в том числе в подростке. Есть какие-то ограничители, которые человек изначально должен перешагнуть. Даже когда подросток берет в руки сигарету, он это делает обычно, переступая через себя. Для того чтобы впервые закурить, подростку надо что-то в себе сломать, это всегда какой-то отчаянный шаг. Первая сигарета никогда не доставляет удовольствия, обычно бывает плохо, тошнит и так далее. Но это доставляет ощущение какого-то внутреннего прорыва, подвига, хотя одновременно с этим ощущением он получает опыт внутренней пустоты. Он решился на что-то, но что-то внутри себя потерял.

И вот такие события случаются в жизни подростка последовательно — так происходит с сигаретой, с пивом, с нецензурной лексикой. Это некие этапы преодоления себя в иллюзии взросления, в иллюзии становления себя как свободной взрослой личности. И каждое событие происходит через

какой-то внутренний слом. Ранний подростковый сексуальный опыт, мне кажется, всегда травматичен. Если этот опыт связан с романтической любовью, с какими-то настоящими, скажем так, отношениями, все может закончиться благополучно — это бывает в редких случаях. Я знаю несколько супружеских пар, которые вместе чуть ли не с 16 лет, у них уже внуки. Была очень сильная подростковая любовь, и они просто не заметили, как оказались в жарких объятиях друг друга. Я не говорю, что этот опыт хороший или правильный, просто в этом случае яркое чувство может затмить момент внутреннего слома. Хуже, когда подросток ищет удовлетворения похоти или просто хочет подражать старшим. Если первый сексуальный опыт приобретает таким образом, мне кажется, это всегда сильное внутреннее поражение ребенка. Он перешагивает через себя, вернуться в себя прежнего уже невозможно. А потом уже начинается самооправдание и рассуждения типа «а что тут такого».

Это чаще всего происходит с подростками во время летних каникул, в каких-то больших компаниях, где нельзя быть малолеткой, где нельзя повести себя по-иному. И вот они возвращаются в школу уже совсем другими.

Если ребенок переступил черту

Мне приходилось разговаривать с подростками из верующих семей, пережившими ранний сексуальный опыт и живущими с занозой в сердце. Если у ребенка была более-менее выстроена внутренняя христианская жизнь, его не покидает чувство греха, и он все-таки приходит на исповедь. Он не понимает себя, не понимает, как жить дальше. Он задается вопросом, как вообще можно этого избегать, если все вокруг так живут и ничего страшного в этом не видят. Для каждого ребенка, для каждого подростка надо находить те слова, которые нужны именно ему. Тут нет таких формулировок, которые сразу раз - и все разрешат. Прежде всего ребенка надо понять, почувствовать, выслушать и потом постепенно завести с ним разговор о настоящей любви. Подросток уже может понять такую закономерность: когда ты берешь чужое, берешь и ничего не отдаешь, ты теряешь самого себя. А любовь настоящая — это чувство, когда человек умеет правильным образом себя отдать другому, посвятить себя другому. Если ты растеряешь себя, что же ты будешь отдавать? Целомудрие — это цельность человеческой личности, которая возрастает, которая созревает для любви.

У детей есть понятие влюбленности, а понятия любви еще нет. Есть любовь по отношению к родителям, к бабушкам, но она совершенно непродуманная, совершенно естественная, как будто так и должно быть — это в тех семьях, где любовь есть. Эта любовь никуда не девается, никуда не уходит и в общем за нее ты не отвечаешь. А вот когда у человека возникают серьезные отношения с девушкой, он пытается их правильным образом построить и вдруг понимает, что есть какое-то препятствие. И оказывается, дело в том, что он до знакомства с этой девушкой успел совершить нечто, называемое грехом. Он однажды вдруг почувствовал себя необыкновенно взрослым, необыкновенно свободным, ему просто голову снесло. А потом он остался сам по себе со всем случившимся, и ничего кроме чувства горечи, досады, опустошения и ужасной обиды на самого себя, на окружающий мир, у него не было.

В этом возрасте для ребенка необходим разговор о любви. Такие ключевые понятия, как свобода, любовь, красота, у нас сегодня вывернуты наизнанку, современный мир их использует в качестве рекламных слоганов. Вот о реальном значении этих слов и надо говорить со своим ребенком. Это должно стать темой разговоров в любой подходящей ситуации. И вот когда эти понятия будут сформированы, можно будет говорить о сексуальных отношениях, о том, почему свободные отношения разрушают, не дают возможности реализовать себя именно в свободе, красоте и любви.

Надо говорить о том, что такое ум, что такое истина, что такое правда. И я повторюсь: мне

кажется, что кино сейчас огромный помощник нам в воспитательном процессе. Через обсуждение фильмов мы можем говорить с подростком не напрямую, а через опыт кого-то другого, через эмоциональные переживания героев.

Задача родителей - искать общий язык со своим подростком

Надо сделать так, чтобы вашему ребенку просто хотелось говорить с вами или просто быть рядом. Надо заслужить его доверие. Я приведу пример, который, может быть, многих шокирует. У одного подростка был сложный период. Он часто выходил на балкон покурить, и вот его отец, некурящий, тоже начал курить, чтобы выходить с сыном на балкон. Через это «пойдем покурим» у них появилось общее взрослое мужское пространство. В конце концов, отец дождался, когда сын сказал ему: «Папа, мне надо с тобой поговорить». И у них состоялся нормальный серьезный разговор. Правда, потом отец долго и трудно бросал курить. Но это уже другой вопрос. Но в тот момент он выбрал этот путь, а не путь морализаторства.

Конфликт поколений

Нужны ли детям запреты?

Педагогика — это в том числе и система определенных, правильно выстроенных запретов, хорошо сформулированных понятий «можно», «нельзя». Но здесь есть важный нюанс. Одна женщина, зайдя на сайт нашей гимназии и прочитав ее устав, сказала мне с ужасом: «У вас так все жестко! Ничего нельзя». Я говорю: «Гораздо проще понижать высокую планку, чем все время завешать низкую». То есть дети знают, какие в школе правила, а мы имеем право требовать соблюдения этих правил. Но чаще всего мы идем на уступки, и дети это понимают. Педагогика — это понижение очень высокой планки, чтобы детям было куда расти. Это выставление параметров, к которым должен тянуться ребенок. Мы можем в каких-то случаях пойти навстречу, понизить планку, но она все равно останется высокой. А у родителей, наоборот, планка низкая. Они ее все время повышают, а дети за ней не поспевают.

Впрочем, есть запреты, которые не работают вообще или работают с отрицательным результатом. Скажем, если вам не нравится кто-то из друзей вашего подростка, вы ничего не добьетесь, запретив это общение. Намного разумнее будет почаще приглашать этого друга на свою территорию. Дайте понять своему ребенку, что вы будете рады, если его друзья придут к вам. Тогда человек, который вам не нравится, будет в зоне вашего влияния.

Не дайте себе и детям превратиться в цифру!

Современный мир стремительно меняется. Дети сейчас играют совсем в другие игры, по-другому общаются между собой. Игра «Казачьи разбойники» — это уже что-то из области русских народных сказок. Сейчас дети играют в компьютерные игры, где не нужен собеседник, не нужен второй игрок. Общение подростков сведено к социальным сетям. Дети перестают читать, им гораздо проще смотреть видео. Все это в комплексе колоссально влияет на развитие внутреннего мира ребенка. Мне кажется, сейчас очень важно приучать ребенка к творчеству. Во многих школах это есть: школьный театр, школьные кружки, школьный литературный журнал, школьная киностудия, школьная рок-группа — должно быть что-то, восполняющее этот потерянный мир общения, потерянный мир творчества, потерянный мир хорошего доброго соревнования в том числе. Нельзя оставлять ребенка наедине с цифровым миром. Знаете, есть мир физики и мир математики. Мир физики — это теплое и холодное, темное и светлое, это живое. А мир цифры — это где все просчитано.

Этот мир цифры сейчас везде — в гаджетах, в фотоаппаратах, в музыке. И человек не замечает, как сам внутренне цифруется, как все его отношения, в том числе с людьми, тоже подлежат цифровой энтропии.

У моего друга был певчий кенар, он его очень любил. А потом кенара кошка съела. Он переживал, как ребенок, и мы с женой на Пасху купили ему нового кенара. В зоомагазине сказали, что кенар певчий, что он пять колен берет. Через какое-то время приходим в гости, я спрашиваю: «Ну что, поет кенар?» — «Нет, не поет». — «А ты ему музыку ставил?» — «Ну конечно, ставил. Не поет». Ну, мы, конечно, расстроились. А перед трапезой стали петь «Христос воскрес из мертвых» — и кенар запел! Вместе с нами, значит, пропел «Христос воскрес из мертвых». Я спрашиваю друга: «А ты ему какую музыку-то ставил?» Он мне показывает флешку. Я говорю: «Они цифру не слышат! Он будет петь, если ты будешь петь вместе с ним». Дети подобны птицам — они перестают слышать настоящую красоту, настоящую музыку, настоящие звуки природы, настоящий звук любви и так далее. Цифра — это имитация, очень красивая, с почти стопроцентной точностью, но имитация. Наши дети остаются без настоящей природы. Вот этот дефицит природности, дефицит физики надо обязательно восполнять.

О детской вере: от ребенка к подростку

Детская вера и родительские иллюзии

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное». Эти слова из Евангелия от Матфея хорошо известны христианам. Нам адресован призыв к детскому доверию, к детской вере по отношению к нашему Богу Отцу. Но мне кажется, что это слова не о детской вере, а о каком-то ином состоянии человека. На самом деле детская вера — это чаще всего придуманная родителями иллюзия. Мы все время говорим и думаем, что у детей, может быть, какая-то особо сильная молитва к Богу. Потому что дети - они ангелы, они безгрешны, у них должна быть «особая» молитва. Или, например, считаем, что у детей какая-то особая вера или особое чувство Живого Бога. Почему-то мы уверены, что дети как-то особенно умеют быть на исповеди искренними. То есть мы придаем им те свойства веры, которые хотели бы в них видеть.

На самом деле вера в детях формируется, в общем, как все остальные человеческие составляющие, как формируется характер человека, личность человека, его ум, его таланты. Это процесс очень постепенный и очень-очень таинственный. Никакой такой «особой» детской духовности нет. Это родительская иллюзия. И эта иллюзия иногда приводит к плачевным результатам. Родители считают нередко, что дети особенно святы. Эту веру подогревают жития святых, в которых рассказывается про детство святых. О настоящем детстве святых нам почти неизвестно, но вот некая формула предполагаемого детства переходит из одного жития в другое. Мы, например, знаем, что преподобный Сергей Радонежский в детстве не вкушал грудного молока в среду и в пятницу. Но существует та же самая история и в житии, гораздо более древнем, святого чудотворца Николая. В одном из древних монастырей на севере Италии есть даже такие фрески, где изображен спеленатый младенец - святитель Николай, гневно отворачивающийся в руках матери от материнской груди. Поэтому бытует такое представление, что в детстве с ребенком бывает что-то такое, чего уже не будет потом никогда, и вот эта детская вера - она особенная.

Нет никакой особенной детской веры. А детское поведение в храме, которым так часто умиляются родители, которое вызывает их родительскую гордость, тешит их амбиции — это реакция ребенка на ожидания родителей. И в этом нет ничего удивительного. Дети с готовностью исполняют то, что нравится родителям, потому что хотят заслужить родительское одобрение. Детям нужно родительское внимание, детям нужна родительская похвала. Дети видят, что они нравятся своим родителям, и они готовы всячески это подтверждать любыми действиями. Они хорошие там, где надо

быть хорошими.

Но если семья живет живой верой, если в ней присутствуют понятия чести, верности, любви, если в семье сбываются слова: «... где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них», тогда и детская вера формируется правильным образом.

Ребенок в неверующей семье

Возможна ли встреча ребенка с Богом помимо семьи? Мне такие случаи практически неизвестны. Но ребенок в неверующей семье не может не задавать себе вопросов о вере. Все дети, так или иначе, для себя их решают, но самостоятельным, детским образом.

Я помню, как это случилось в моей собственной жизни. У меня родители были настоящими советскими людьми, ни о какой вере в Бога речь не шла. Но с нами жила бабушка - крестная моего папы. И она была очень верующая, «богомольная», как ее все называли. Она ходила по воскресеньям в церковь, приходила с просфорочками, вся была счастливая и румяная, у себя в комнатке все время молилась. Мне это было совершенно непонятно. Я как маленький, просвещенный, все знающий человек, в свои пять лет прибежал к ней в комнату и говорил: «Бог дурак». Так я надеялся объяснить «темной старушке», что Бога нет.

Но она на это реагировала как-то мягко, с улыбкой, ни разу меня за это не отругала, никакого оскорбления «чувства верующих» у нее это не вызывало. Но я все-таки подумывал: здесь что-то не так! И решил сам проверить, есть ли Бог на свете. Я заперся в чуланчик и стал говорить так: «Бог! Если ты есть, то пусть у меня в кармане сейчас будет шоколадка». Никакой шоколадки, естественно, я не обнаружил. И я после этого жил спокойно: доказательная база была четко подведена, я понял, что никакого Бога нет, успокоился и до поры до времени - до своего студенчества - я к этому вопросу больше не возвращался.

А бывает и наоборот — ребенок находит какое-то подтверждение своей вере. Но это подтверждение почти языческое. Представление о Боге, о душе у ребенка складывается как у маленького, живого, настоящего чистого язычника. И тогда и вера получается вот такая. Нельзя в этом случае говорить о вере христианской, но эта вера может быть очень искренней, чистой, ребенок может по-настоящему находить для Бога какие-то слова и с Ним приходить в общение. Но это очень не похоже на то, чего родители-христиане ждут от своих детей. Эта вера потом может уйти, она может совершенно забыться ребенком, когда он будет взрослеть. А потом вера может быть найдена по-настоящему, глубоко.

Нахождение взрослыми веры — это очень сложный и далеко не заверченный в жизни человека процесс. Когда меняются условия жизни человека, когда рушатся какие-то формы жизни, знакомые формы государственности, знакомые формы человеческих отношений, социума, человек находится в странном для себя, неудобном и неуверенном состоянии. Собственно, это иногда подталкивает искать какие-то другие основания для своей жизни. И многие находят их в вере.

По-разному люди находят веру. Кто-то — через настоящий, глубокий духовный поиск как ответ на самые главные вопросы бытия: почему я живу, что такое жизнь, что такое смерть, почему существует зло, что такое любовь. Ответы на эти вопросы, если человек мучается ими, подталкивают его к тому, чтобы искать Бога. Потому что ответов на эти вопросы нет в плоскости земного бытия. По крайней мере, конечных ответов. И у Бога человек их до конца найти не может. Но может почувствовать, что если сейчас их там не нашел, то, в конце концов, эти ответы там все-таки есть.

Обрести веру еще не значит обрести Бога

Человек вместе с верой не всегда обретает Бога. Об этом мало кто задумывается. Обрести веру — значит начать свой путь к обретению Бога. А людям кажется, если они обрели веру, то вместе с этим уже обрели Бога. А это не так. Здесь происходит подмена. Эта подмена слишком очевидна уже в таких устоявшихся, традиционных религиях, как иудаизм или разные формы христианства, потому что они предполагают хорошо выстроенную ритуальную схему. Человек, обретая веру, сразу входит в уже выстроенную систему, к которой он не имеет никакого отношения: ни исторически, ни традиционно. Он в ней, в этой вере, не рос, не воспитывался, он ее даже и знать не знает. Потому что, скажем, Православие как выстроенная богослужebная система, как выстроенная уставная система постов, молитв, заповедей, правил, канонов — это очень сложное, очень малопонятное для стороннего человека явление.

Когда мы обретаем веру, по-разному ее обретаем, мы входим в церковную структуру. Не в Церковь как в еще непонятный нам живой организм, где человек и Бог имеют единую жизнь. Это не сразу становится понятным. А сразу становится понятным, «что можно, что нельзя», как «правильно» передавать свечку. Я, конечно, утрирую. И вот тогда у человека появляется иллюзия, что он уже внутри веры, потому что он все делает «правильно»: он знает, что в воскресенье надо идти в храм, что в храме надо время от времени исповедоваться, причащаться, что надо молиться за своих ближних, надо читать утренние и вечерние молитвы, что в пост надо поститься и ходить в первую неделю на Великий канон. Он знает, как правильно надо праздновать Пасху, как правильно разговляться, что такое крестный ход, какая икона от чего помогает и так далее. Но оказывается, что в центре всего этого нет Самого Христа. Он как бы присутствует в жизни человека, но опосредованно, не в центре. Так же как и Евангелие - не в центре. Но у человека складывается впечатление, что он нашел Бога, что у него все в порядке, потому что он все делает «правильно». И когда встает вопрос о воспитании ребенка в вере, у взрослого возникает желание этой вере научить. То есть научить правильно поступать, но не научить встрече с Богом.

Как не навредить детской вере?

Если для родителей вера — это набор правил, они не смогут понять, что происходит в душе ребенка. Потому что в душе ребенка эта встреча с Богом может произойти, но он этого не сможет для себя сформулировать и осознать, потому что он еще мал и очень впечатлителен. Ему нравится быть в церкви, очень нравится причащаться. Он любит, когда горят свечи. Ему нравится необыкновенное, сказочное пространство храма. У меня есть прихожане, которые по работе живут за границей, в храме они там бывают крайне редко. Но когда приезжают в Москву, всей семьей сразу идут на службу. Младший ребенок увидел меня после богослужения, уже разоблаченным: «Ты король? Ты ведь король?» Он представил, что побывал в прекрасном сказочном замке и увидел человека, одетого в прекрасные одежды, у которого на голове было что-то, похожее на корону, и он в руках держал золотую чашу. И этот человек, конечно, для него - король из его сказок, из его мультфильмов. Он был очень счастлив, что познакомился с королем! Вот это - тоже настоящая детская вера. Ее же нельзя разрушить. Я же не мог сказать: «Я не король». Я, конечно же, король. Мы - царственное священство. Все священники - цари, Церковь - народ Божий, дети царя. Конечно!

Как же можно этому ребенку все разрушить или не дать ему возможность войти в этот мир. Его надо там сохранить. А родители, прежде всего, учат правильно поступать. И вот это «правильно поступать» без внутреннего содержания, без понимания работает только пока ребенок маленький.

Дети, приходя в церковь, видят там отчасти какую-то сказку. Поддерживать или специально создавать ее нельзя. Но и разрушать ее не надо. Просто из этого состояния надо переводить ребенка в реальность, в реальный опыт встречи человека и Бога. Но это может сделать только тот родитель, у которого реальная встреча с Богом произошла, который внутренне глубоко знает, что такое вера, в чем

эта вера, что такое Евангелие.

У Лескова в одном из рассказов есть история о человеке, который был обычным государственным чиновником. А потом прочел Евангелие - и что-то с ним произошло. Он стал совсем другим человеком, таким чудачком, и все о нем говорили, покручивая пальчиком у лба: да, дочитался до Христа. Так вот, мне кажется, что всем надо бы «дочитать до Христа», когда мы читаем Евангелие или приходим в Церковь. Родителям надо самим взрослеть и понимать жизнь детей. Понимать, например, на что ребенок способен. Понимать, для чего существуют посты для взрослых и нужно ли в той же мере пост переносить на ребенка, или лучше выбрать разумную форму поста, которая чему-то ребенка учила бы, что-то ему объясняла. А не просто в пост формально не давать ему чего-то съесть. То же самое и молитва. Ребенок любит молиться вместе со взрослыми. Но ведь молитва ребенка — это тоже какой-то особенный мир. И этот мир надо созидать вместе с ним. Молитва для ребенка должна быть осознанной, а не просто весело спетой песенкой вместе с папой и мамой утром или вечером. Наши православные дети, взрослея, не все знают, что такое молитва, и узнавать не собираются по большей части. Что-то там успокоительно-красиво поется, что-то там колыхается, ты очень хорошо в это вливаешься, и тебя так и укачивает, убаюкивает. А потом ты, успокоенный, возвращаешься домой. Вот и все, что они знают о вере, в которой воспитаны.

О детской мере терпения

Если мы хотим, чтобы детская вера развилась в нечто большее, нежели сказочные фантазии, важно понимать, на что ребенок способен. Способен ли он, например, выстоять в храме, не двигаясь, больше десяти минут? Да он и трех минут не может выстоять! Но почему-то считается, что дети должны стоять как свечки. Потому что ведь смотрят другие! И надо всем показать, какой у меня благочестивый ребенок.

Дети, когда приходят в храм, что видят? Они видят только наши ноги. Маленькие дети приходят в храм, а там везде стоят взрослые. Мужчины у нас считают себя обычно главными в храме, они проходят вперед, становятся стеной перед иконостасом, никого не пустят: «Вы что, не знаете, где женщины должны находиться в храме? Это наше место!» А дети между этими мужскими ногами пытаются пройти, на них все цыкают, они всем мешают. Что они при этом могут понять?

Если ты с ребенком пришел в храм, ему надо видеть красоту храма, видеть иконостас, видеть священника как царя, как короля, видеть всю красоту вокруг. Это все для него. Он этим воспитывается. Значит, надо искать такой храм, где взрослые более тактичны, уступают место женщинам с детьми и инвалидам, дают возможность детям пройти вперед. Кроме того, родители должны понимать, что дети не могут выстоять всю службу. Поэтому не надо приходить с детьми на всю литургию. Или, например, в те храмы, где принято долго читать записки на ектенью - минут по двадцать, громким голосом. А потом начнется проповедь батюшки минут на сорок. Все это вредно для детей, это все детскую веру убивает, высушивает. Поэтому детей в эти моменты надо из храма выводить. И если есть рядом с храмом детская площадка, то дети могут в это время в песочнице поиграть, на качелях покачаться, зимой вместе с родителями снеговика полепить. Им нужно немного отдохнуть от духоты, а потом уже прийти в храм к моменту Евхаристического канона. С малышами можно вернуться на службу к молитве «Отче наш», которая поется всем храмом. Дети из верующих семей обычно знают «Отче наш» и могут петь вместе со всеми. Это тот самый момент, когда дети искренне, по-настоящему участвуют в богослужении. Им это нравится.

И нет ничего страшного, если родители будут присутствовать на службе только в эти моменты, а остальное время - гулять с ребенком за стенами храма. Если у вас дети дошкольного возраста, это совершенно нормально.

Родители, не ссорьтесь перед службой!

Родители должны помнить: если они хотят, чтобы у детей была радость от посещения храма, им нельзя ругаться между собой, когда они идут в храм вместе с ребенком. Что у нас бывает чаще всего? Нервные родители, у которых, допустим, несколько детей, опаздывают в храм. А батюшки у нас бывают очень строгими: если ты на исповедь не пришел вовремя, они тебя до причастия не допустят. Так вы не ходите, дорогие родители, в такие храмы! Потому что это вредно для вас и для ваших детей. Вредно ходить в такие храмы, где вас с вашими детьми отказываются исповедовать и причащать потому, что вы пришли не вовремя. Родители с несколькими детьми или даже с одним маленьким ребенком, который, может быть, не выспался, должны прийти в храм, где им будет хорошо и удобно. И чтобы ребенок не чувствовал никакого напряжения вокруг себя.

А что бывает на самом деле? Родители, наконец-то, собрались в храм, все дети здоровы, никто не боится. Но кто-то замедлился, что-то там не получается. И они уже опаздывают, они начинают нервничать и ругаться между собой. Дети это видят, дети тоже нервничают, все вспотели, они летят, прибегают в храм все нервные, взбудораженные, тут на детей начинают цыкать. И в таком нервном состоянии дети причащаются. Какое впечатление остается у ребенка после такого посещения храма, после такого причастия?

Так же бывает с маленькими детьми, которых бабушки выкрадывают у своих неверующих детей с тем, чтобы причастить любой ценой. И ребенок в совершенной жути орет, вырывается, его сковывают, двое мужчин руки-ноги держат, третий открывает ему рот, чтобы священник в этот рот все-таки вложил Святое Причастие. Зачем? Для чего? Чтобы у ребенка навсегда, на всю жизнь осталось впечатление ужаса от того, что с ним что-то сделали, чего он вообще не понимает.

Причастие — это праздник для всей семьи

Родители почему-то думают, что просто часто причащать детей — это хорошо. Поэтому они приезжают, причащают детей, а сами не причащаются. Какое впечатление остается у ребенка, которого все время так причащают? Родителям удобно причащать ребенка отдельно, а потом самим отдельно как-нибудь всю службу выстоять, чтобы благочестиво причаститься самим. И вот они говорят детям, что самое главное в жизни — это Причастие, это великое таинство. Дети это слышат, но при этом видят, что сами-то родители не причащаются.

Ребенок не понимает глубины таинства Причастия. Осмыслить этого он не может и не должен. Он видит, что родители называют ценным то, что на самом деле для них ценным не является. Они же сами не идут к Причастию! Ребенок начинает рассуждать: значит, что-то здесь не так, значит, мне дают что-то такое, что взрослым не нужно.

Об этом вообще никто не задумывается, потому что считается, что Причастие должно как-то действовать само по себе. Но ничто не действует само по себе. Это не магический обряд. Здесь срабатывает простая педагогическая схема: то, что ценно для родителей, будет ценно и для ребенка. А не наоборот. И поэтому родители обязательно должны причащаться вместе с ребенком. Чтобы дети видели, как взрослым радостно и хорошо. Только так можно научить детей любить храм и Причастие.

Родители ни в коем случае не имеют права ругать ребенка, даже если он в воскресный день на литургии как-то плохо себя повел: с детьми поссорился, подсвечник уронил, предположим, когда бегал по храму. Наказывать его в воскресный день, если он причащался, они не имеют никакого права. Хотя им очень хочется научить ребенка «правильно» себя вести в храме. Но не это правильное поведение в храме. Радость — вот правильное поведение в храме. Ощущение счастья после посещения

храма — вот это правильное поведение. Поэтому родителям после посещения храма стоило бы, может быть, подумать, как им приготовить праздничный воскресный обед, на котором они посидели бы вместе с детьми, порадовались бы, съели бы тортик. Или сходили с детьми в кафе, как-то с ними провели этот день. Потому что воскресный день — это праздник. Мы об этом забываем, потому что к этому уже привыкли. Но этот праздник должен существовать в душе ребенка. Дети очень реагируют на праздники. Что мы помним из своего детства? Праздники!

И с грудными детьми тоже надо быть очень внимательными. Не надо причащать насильно! Если ребенок только что переболел и ему в ротик давали какое-то невкусное лекарство через ложечку, он это запоминает, а когда его причащают, он инстинктивно начинает защищать себя от нового лекарства. Здесь надо выдержать паузу. Такой период пройдет, у ребенка исчезнет эта ассоциация. Мать и отец должны быть абсолютно спокойными. Если ребенок нервничает, как-то агрессивно и испуганно себя ведет, не надо его причащать в этот момент. Ничего страшного не случится. Походите, успокойте его. Если он успокоится - подождите попозже. Попросите священника не потреблять Святые Дары, а когда служба закончится и все уйдут - причастите его отдельно. Для этого, конечно, нужно, чтобы родители принадлежали к какому-то приходу, общине, чтобы их там знали и они знали священника, чтобы внутри общины люди понимали друг друга и относились друг к другу доброжелательно. В этом случае причастить ребенка отдельно не трудно. А когда родители не являются членами прихода, а приходят куда-то, где поудобнее, поближе, побыстрее, как-то случайно - то, конечно, неизбежны какие-то несовпадения.

Как подготовить ребенка к Причастию?

Ведя маленького ребенка к Причастию, часто говорят: сейчас тебе дадут водички, дадут компотика. Этого делать ни в коем случае нельзя. Потому что это ложь. Лучше ничего не говорить. Ребенок будет взрослеть, родители будут ему читать детское Евангелие, детскую Библию. Постепенно он узнает о Тайной Вечере, узнает, как перед Своим страданием Христос благословил хлеб и вино и причастил Своими Телом и Кровью апостолов. И теперь мы причащаемся Телом и Кровью потому, что так делали апостолы. Христос это заповедовал нам. И поэтому, по существу, это и есть главное счастье христианина - соединиться со своим Богом через Причастие.

Говорить о смысле Причастия надо тогда, когда ребенок начинает этим интересоваться. Это случается в разном возрасте. И общих правил тут нет. Родители не могут не заметить, когда ребенок начинает задаваться вопросами о вере. Но он начнет ими задаваться, если родители читают с детьми Евангелие, проходят священную историю. Тогда ребенок задает вопросы, рисует на эти темы, ему становится интересно, что в храме изображено на иконах, кто и почему Христа распял.

Первое, о чем спрашивают обычно дети, - почему распяли Христа. На них распятие производит сильное впечатление. Они не могут этого вместить, они не могут с этим согласиться. Вскоре возникают и другие вопросы. Это довольно быстро происходит, если дети с младенчества в храме, если они в этом храме возрастают. Кроме того, если родители постоянно ходят в один храм, у них там появляются друзья с такими же детьми, они начинают общаться, дети тоже начинают делиться своим определенным духовным опытом. Они будут делиться тем, что им рассказали о Христе родители, так у них создается свой детский мир. Потом они обращаются с этими вопросами к взрослым. Все происходит естественно.

Детская исповедь

Почему-то у нас считается, семь лет наступило - надо исповедоваться. На самом деле семь лет — это условный возраст. Примерно, как возраст готовности человека к школе. Кто-то готов уже в

шесть лет, а кто-то будет не успевать и в семь. Все люди разные, а дети - тем более разные, и они долго сохраняют свои особенности. И только родители могут определить, насколько ребенок готов не играть в исповедь, а исповедоваться по-настоящему.

Я вижу здесь еще одну проблему. Дети в верующих семьях обычно часто причащаются, и с семилетнего возраста их начинают еженедельно подводить к исповеди. Дети видят, что взрослые с ними играют в исповедь, и быстро усваивают правила. Что надо сказать на исповеди? Ну, конечно же, надо покаяться в том, что шалил, не слушался, ленился, иногда ссорился со своими друзьями, обзывался, говорил немножечко неправду... Взрослые ведь этого ждут. Взрослые ведь это называют детскими грехами. Но это происходит в жизни ребенка ежедневно! Он еще маленький, он не может себя контролировать, как взрослый. Для него так себя вести - нормально.

Да, конечно, ссориться из-за игрушки, жадничать - нехорошо. Но этому должны учить родители, это просто момент воспитания. Если родители будут свои примером показывать, что такое доброта, щедрость, ребенок сам постепенно этому научится. Но не надо ждать, что после первого же замечания или нравоучительной беседы он перестанет ссориться на детской площадке, перестанет не слушаться, что он не будет обзываться на обидную для него обзывалку. Это невозможно!

К сожалению, ребенку внушают, что как раз такое поведение и есть тот самый грех, о котором надо рассказывать на исповеди. И ребенок из раза в раз, из недели в неделю повторяет одно и то же: не слушался, не поделился.. А когда происходит что-то действительно серьезное, когда ребенок лет восьми, девяти, десяти очень сильно обидел своего товарища, предал, украл — это остается незамеченным. Потому что детям никто не объясняет, что такое серьезный проступок, о чем надо серьезно сокрушаться.

Когда такой ребенок, с детства привыкший каждую неделю исповедоваться по шаблону, достигает подросткового возраста, он вдруг обнаруживает, что ему не о чем говорить на исповеди! Из-за игрушек он больше не дерется, приятелей не обзывает, а в чем еще исповедоваться - он не знает. Он боится говорить о серьезных вещах, потому что у него не сформировано представление об исповеди как о таинстве. Это огромная проблема.

Я не понимаю, зачем исповедовать ребенка каждую неделю. Семи-восьмилетнему ребенку достаточно вдумчивого разговора со священником несколько раз в год, или когда случается что-то действительно серьезное. Все остальное — это профанация. И этот опыт формальной, ни к чему не обязывающей исповеди будет влиять на дальнейшее созревание ребенка, на его отношение к себе, к греху, на отношение к Богу.

Роль прихода в подготовке ребенка к первой исповеди

Мне очень нравится традиция, которая сейчас появилась в некоторых православных приходах, — устраивать праздник первой исповеди для детей из воскресной школы. Священник с детьми до этого занимается, готовит их, объясняет смысл таинства. После этого он отдельно, вне литургии, в какой-то специальный день общается с каждым ребенком, исповедует его. А потом всех поздравляет с тем, что они уже взрослые. И не потому взрослые, что они уже могут грешить, а потому взрослые, что они уже отвечают за свои поступки. На мой взгляд, такую практику надо развивать. Детей надо готовить к тому, что исповедь — это ответственность, это очередной шаг на пути взросления. Эту задачу родители и духовник должны решать вместе. Поэтому так важно, чтобы при храме, куда ходит семья, был активный приход, насыщенная приходская жизнь. Нельзя приводить ребенка к незнакомому батюшке и ждать, что тут подготовят к исповеди. Это же не детская поликлиника! Это жизнь Церкви. Основные представления о церковной жизни складываются в приходе, где все прихожане - единая семья. Иначе я себе этого не представляю.

Детский пост: еда на последнем месте

Я думаю, что ребенок может начинать поститься в то же время, когда он начинает исповедоваться. Когда ребенок может уже ответственно относиться к каким-то своим поступкам и делать какие-то небольшие первые шаги в своем духовном развитии. Не раньше. И для начала это должен быть только Великий пост. Я не думаю, что детям надо соблюдать все церковные посты, которые есть в нашем церковном круге. Их четыре, плюс постные дни - среда и пятница. Все прекрасно знают, что у нас постных дней больше, чем непостных. Дети не виноваты, что наша Церковь держится монашеского типикона. Эти посты, в большинстве своем, имеют позднее происхождение, как, скажем, Успенский пост. Или пост Рождественский — это XIV век. Петров пост в Церкви был всегда постом заместительным, то есть необязательным. Он предназначался тем, кто по каким-то причинам не мог поститься Великим постом. Уже потом Петров пост стал обязательным. Эта система, к сожалению, уже прочно вошла в жизнь современной Церкви. Говорю «к сожалению», потому что посты — это то, что может быть и чего может не быть. Это всего лишь дисциплинарный момент. Был период, когда они были Церкви нужны, но нужны ли они в таком количестве, в таком состоянии сегодня всем мирянам — это вопрос. Особенно два летних поста. Это время детских каникул, когда дети растут, набираются сил, им нужно хорошее питание. Поэтому я уверен, что все посты, кроме Великого, необязательны для детей.

Но и Великий пост может соблюдаться очень умеренно. Все зависит от ребенка. Здесь, мне кажется, важно, чтобы дети сами для себя в какой-то момент могли выбирать форму поста. Если им объяснить, зачем этот пост нужен, что он принесет, почему мы постимся именно перед Пасхой, перед Страстной неделей, тогда дети могут выбрать, какой собственный маленький подвиг они совершат ради Христа, от чего они готовы отказаться: от конфет ли, от игр компьютерных ли, от мультиков ли. Еда тут вообще ни при чем. Еда — на последнем месте.

Когда ребенок сам выбирает пост, тогда он лично за него отвечает, лично его держит: неделю, две недели, первую и последнюю неделю, или только последнюю неделю, или в течение всего поста, когда он к этому становится готов и способен. Семилетний ребенок может отказаться от шоколада, пятнадцатилетний, например, решит Великим постом бросить курить или отказаться от компьютерных игр. Но это всегда должен быть выбор самого ребенка.

О детской молитве

Детские молитвословы, которые сейчас издают, на мой взгляд, какие-то надуманные. Понятно, что для детей надо писать специальные молитвы, но они не должны быть слащавыми. Мне кажется, дети должны хорошо знать и любить молитву «Отче наш», молитву «Богородице Дево, радуйся», молитву своему Ангелу Хранителю. Вот эти три общехристианские молитвы и должны, в общем, составлять ежедневное детское правило. А дальше - уже зависит от ребенка. К сожалению, у нас нет молитв, в которых отражались бы, скажем, какие-то нужды подростка. Есть отдельные моменты. Дети должны молиться о том, например, чтобы уметь дружить, уметь прощать. Но своими словами, а не так, как это у нас витиевато по-церковнославянски изложено.

И самая большая проблема — это молитвы перед Причастием. Представьте, ведь наши дети вместе со взрослыми читают: «от скверных устен», «от мерзкого сердца», «от души оскверненной»... Ну как это может быть? Нет ни одной молитвы в правиле для причастия, которая хоть каким-либо образом была сопоставима с маленьким человеком. Они все пор взрослых. Дети вообще не понимают ни слова в этих молитвах. Да и взрослые-то не все понимают! Правило длинное, правило непонятное, правило непонятно о чем. Хорошо, когда человек уже долго в храме, понимает церковнославянский язык, чувствует красоту молитвы Симеона Нового Богослова. Конечно, это замечательная великая

византийская поэзия, но это все-таки его молитва. Она все-таки к нему имеет больше отношения, чем ко мне. А уж к ребенку она вообще никакого отношения иметь не может.

В идеале, мне кажется, надо кому-то заручиться архиерейским благословением и сесть создавать богослужебные тексты для детей. А пока их нет, выход один: просто читать молитву «Отче наш» с сокрушенным сердцем, с благоговением. Просто читать перед причастием молитву Иоанна Златоуста, которую читает священник для всех в храме.

Некоторые дети накануне причастия со всей семьей встают на длинное молитвенное правило. Здесь я никаких рекомендаций дать не могу. Родителям виднее, что по силам их ребенку, а что нет.

Может ли свободный человек быть «рабом Божиим»?

Христиане часто называют себя рабами. «Причащается раб Божий такой-то», — слышим мы, подходя к причастию. «Помяни, Господи, рабов твоих», - говорит священник на богослужении. О каком рабстве идет речь? И как это сочетается со словами апостола Павла: *Господь есть Дух. А где Дух Господень, там свобода?* (2 Кор. 3: 17) Вообще Павел очень часто призывает христиан именно к свободе. Он говорит: *Итак, стойте в свободе, которую даровал нам Христос, и не подвергайтесь опять игу рабства* (Гал. 5: 1). *И еще: К свободе призваны вы, братья, только бы свобода ваша не была поводом к угождению плоти, но любовью служите друг другу* (Гал. 5: 13). *Вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!»* (Рим. 8: 15). *А вот слова апостола Петра: Такова есть воля Божия, чтобы мы, делая добро, заграждали уста невежеству безумных людей, - как свободные, не как употребляющие свободу для прикрытия зла, но как рабы Божии* (1 Пет. 2: 15-17).

Свободны, как рабы Божии, - что это значит? Можно ли быть свободным и одновременно рабом? На самом деле, нельзя. Есть такое слово «оксюморон» - сочетание несочетаемого. Да, раб не может быть свободным, тем не менее в этом высказывании заложен определенный смысл. Человек часто обретает свободу через подчинение какой-то руководящей им идее и чувству. Скажем, люди, которые сильно любят друг друга, они свободны? Да. Они сильно зависят друг от друга? Они подчинены друг другу? Тоже да. Мы, конечно, не можем сказать, что они в рабстве друг у друга. Но это уже вопрос словоупотребления. Давайте разберемся, почему нам так не нравится слово «раб»? Многие слова у нас вызывают вполне определенные ассоциации. Что мы представляем себе, когда слышим слово «рабство»? Картинку в учебнике по истории для пятого класса, на которой нарисован жестокий тиран с кнутом, помыкающий несчастным рабом в лохмотьях. Рабство — это подчинение, унижение, рабство - это отсутствие собственной воли.

А теперь давайте подумаем, что такое настоящая, истинная любовь. Прежде всего, мы видим эту любовь в браке, когда один человек ради другого полностью забывает о себе. Когда человек впускает в свою жизнь любимого. Когда человек способен на полную самоотдачу. Я говорю, конечно, об идеальных, высоких, правильных отношениях, которых вам всем желаю. Нельзя любить на каких-то условиях, например: если мне что-то в человеке нравится, то я уже готов сказать, что я его люблю. Нет, этого недостаточно. Это пока просто симпатия, увлечение. Настоящая любовь — это когда человек готов забыть о себе, когда человек готов полностью вручить себя любимому и тем самым подчинить и доверить ему свою жизнь. И это свобода. Потому что настоящая любовь немыслима без свободы. Отдавая себя в любви, человек не чувствует поработанности, не чувствует уз. Хотя это узы. Мы так их и называем: брачные узы. Как это ни странно звучит.

В тропаре об умножении любви и искоренении ненависти мы поем: «Союзом любви апостолы Твоя связавый, Христе, и нас, Твоих верных рабов, к Себе тем крепко связав, творити заповеди Твоя и друг друга любити нелицемерно сотвори, молитвами Богородицы». Смотрите: любовь оказывается

узами. Любовь привязывает друг к другу людей настолько, что они становятся единым и друг без друга быть не могут. Есть такое слово - «привязанность». Человек в любви становится привязанным. Такой же по силе, но мучительной привязанностью может обладать страсть. В страсти нет любви. Страсть — это болезнь, это искаженная форма отношений. В основе страсти заложена иногда похоть, иногда гордыня, иногда сильнейшая ревность, иногда очень сильно уязвленное самолюбие, иногда просто желание обладания и подчинения себе другого. Это может касаться отношений между людьми, но может относиться и вообще к человеческой жизни. Человек может быть такой же страстью привязан, например, к богатству. И тогда ему ничего, кроме денег, не надо, он думает только о деньгах, он всю свою жизнь посвятил деньгам, он привязан к ним. А есть люди, одержимые жаждой власти. И они становятся рабами своей страсти. Вот такую же страсть можно испытывать к человеку. Эта страсть тоже привязывает. Но раб в любви - свободен, а раб в страсти - несвободен. Потому что раб греха, раб страсти все время стремится потреблять, а раб любви постоянно отдает.

Чтобы лучше понять, что такое привязанность без порабощения, я вам расскажу историю. К одному греческому старцу пришел монах и говорит: «Отче, я учусь Иисусовой молитве „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий“, но сердце не отзывается, и внимания нет. Как научиться постоянно творить молитву в сердце?» «Да никак, - говорит старец. - Невозможно просто так, автоматически научиться Иисусовой молитве. Ко мне недавно приехала девица шестнадцати лет и говорит: „Батюшка, я не знаю, что делать. Я влюбилась в Никоса и теперь ни о чем больше думать не могу, кроме него. Прихожу в школу, а у меня в голове только: „Никос, Никос, Никос“. Иду домой: „Никос, Никос, Никос“. Спать ложусь, а у меня все только его имя и его лицо, его имя и его лицо». Вот так и с Иисусовой молитвой. Если ты кого полюбишь, то никогда это имя из твоей головы никуда не денется».

Когда мы говорим о рабстве в любви, мы говорим об истинной свободе. Эта истинная свобода раскрывается в нашей вере, в послушании Богу, в исполнении Его заповедей, в желании быть с Ним, в желании открыть Ему свое сердце. Это та свобода, когда человеку уже не нужны какие-то указания, законы, каноны. Потому что он и без законов знает, как правильно поступить, - не по шпаргалке, не по какому-то там параграфу, а по любви. Любовь больше, чем любой закон.

Был такой святой - блаженный Августин. Он прожил долгую и странную жизнь. Он был интеллектуалом и последователем манихейской секты, которая тоже на свой лад учила свободе. Манихеи считали, что по-настоящему свободный человек может все себе позволить, что никакой закон его не остановит. Они предлагали человеку пройти все стадии падения и разврата, чтобы стать Богом. Они утверждали, что Бог и добрый, и злой, что в Боге есть и свет, и тьма. И вот блаженный Августин жил с такими убеждениями. А его мать была христианкой, духовной дочерью святого Амвросия Медиоланского. Как-то раз она уговорила сына прийти на проповедь святого Амвросия. Он пришел и уже больше из Церкви не уходил. Он был настолько поражен святым Амвросием, что стал его духовным чадом и сам стал святым.

Так вот, блаженный Августин говорил: «Если ты любишь Бога, можешь делать все, что ты хочешь». Люби Бога и делай все, что хочешь, — вот она, свобода настоящая. Свобода через любовь. Потому что если ты любишь Бога, то ты будешь, конечно, свободен и будешь делать все, что ты хочешь, но тебе в голову никогда не придет даже какую-то мелкую гадость совершить, не говоря о большой.

— Получается, свобода — это такое светлое чувство, когда не стоит никакого выбора перед тобой.

— Именно. Свобода настоящая, к которой человек приучает себя через любовь, — это то чувство, когда ты уже не выбираешь между добром и злом, твоя свобода только в добре осуществляется. Ты уже сделал свой окончательный выбор, и ты абсолютно свободен.

Когда наступит Царство Небесное?

Есть такое понятие — «наемник». Это когда человек трудится для Бога, стараясь что-то этим заслужить. Ну, например, мы Великим постом стараемся, молимся, постимся, усердно ходим на службы, каким-то образом боремся с собой. И после поста мы ждем, что нам за это будет от Бога. Чаше всего мы ждем чего-то материального. Но оказывается, что Бог не расплачивается с нами какими-то простыми вещами, которые нам очень хотелось бы от Него получить. Потому что, в общем, это отношение корыстное, отношение неправильное. Бог вообще с нами не расплачивается ни за что. Он не хочет, чтобы человек был наемником.

В Евангелии есть притча о том, как один хозяин нанял работников за динарий в день. Динарий — это обычная плата трудового дня в тот период, довольно, в общем, приличные деньги. Сколько зарабатывает в день человек в среднем в Москве? Примерно 1,5-2,5 тысячи в зависимости от квалификации. Например, есть женщины, которые убирают квартиры. Примерная оплата такой работы составляет 2000 рублей в день, потому что это тяжелая работа. Давайте предположим, что это и есть тот самый динарий, на который хозяин договаривается с работниками. Итак, он нанимает несколько человек. В середине дня нанимает еще. И уже в самом конце дня, когда до конца работы остался всего один час, он нанимает еще группу людей. Те, которые работали целый день, с утра до вечера, думали, что они получают больше, чем остальные. Но хозяин неожиданно расплатился со всеми одинаково. Он заплатил динарий и тому, кто работал с утра до вечера, и тем, кто пришел в 11-й час, он тоже заплатил по динарию. Работники первого часа, те, кто перенес и тяготу дня, и зной дневной, и солнце, стали возмущаться: «Почему нам, которые так много трудились, ты заплатил столько же, сколько получили те, которые трудились мало?» И хозяин сказал одному из этих людей: «Твое око завистливо от того, что мое сердце доброе. Я хочу платить, сколько считаю нужным. Ведь я заплатил тебе столько, сколько ты хотел получить. И последнему хочу заплатить столько же, сколько заплатил и первому».

Эта притча совершенно разрушает все представления о справедливости. Ну, несправедливо платить одинаково и тому, кто проработал весь день, и тому, кто пришел лишь в последний час. Но так как это притча, она содержит особенный смысл, особенное понимание. Она говорит, что вечная жизнь дается и тому, кто приходит первый, и тому, кто успевает прийти в самую последнюю минуту. Ему не дается меньше Царства Небесного, чем тому, который работал весь день. Ему дается то же Царство Небесное. Господь - царь и дает нам свое царство. И первому, и последнему.

Царство Небесное имеет такое свойство: оно занимает в душе человека только то место, которое для него свободно. Царство Небесное очень близко каждому человеку. Когда Христа спрашивают: «Скоро ли придет твое Царство Небесное?», Он отвечает: *Не думайте, что Царство Небесное где-то там или где-то вот здесь, но Царство Небесное внутри вас* (см. Лк. 17: 20-21). Если Царство Небесное внутри человека, оно не может существовать рядом со злом. Ложь, злоба, лукавство, лицемерие, гордыня, жадность, трусость - все эти вещи не имеют отношения к вечной жизни, не имеют отношения к вечности, не имеют отношения к любви, к красоте, к радости, не имеют отношения к тому всему, что мы называем жизнью настоящей. Соответственно, Царство Небесное занимает в человеке только то место, которое может быть для него создано, уготовано, расчищено. И, если человек не созрел для Царства Небесного, ничего для Царства Небесного не сделал. Господь хотел бы этому человеку это Царство даровать, но некуда его вместить. С чем можно сравнить грешную душу человека? С какой землей?

— С заросшей сорняками.

— С сухой, каменистой, бесплодной землей, заросшей сорняками. И вот человек вступает на первую ступень страха Божия — раб. Чем занимается раб с этой землей?

— Пропалывает ее, удобряет.

— Да, он начинает полоть сорняки в своей душе. Это самый тяжелый труд, рабский.

Когда я в школе учился, всех отправляли в трудовые отряды — в поле полоть сорняки. Или на огороде. Это жуть какая-то была. Сидишь в перчатках, дергаешь сорняки, а они не вырываются. Вот таков труд раба, труд человека, который кается, который пытается мертвую землю своей души привести в порядок. И вот он выпалывает сорняки, убирает камни. После этого труда земля более-менее ожила. Дальше надо в эту землю что-то посеять. Эта работа как раз очень радостная. Когда человек сеет семя, это дает ему величайшую надежду. Человек живет ожиданием, что на этой земле взойдет вот такой-то цветок, созреет такой-то фрукт или овощ. Человек относится к посеянному очень трепетно, следит, поливает. Это Царство Небесное входит в очищенную душу, как семя. И чем больше человек трудится над собой, тем больше места для Царства Небесного он в своей душе освобождает. Ему теперь надо следить за тем, чтобы сорняки не вернулись, и ухаживать за землей - поливать ее вовремя, взрыхлять, лелеять те маленькие росточки, которые уже появились. Человека, который трудится над собой, постепенно наполняет радость. Это значит, что Царство Небесное внутри этого человека уже есть. И чем больше он трудится, тем больше у него радости. Это не сравнишь с заработной платой, но тем не менее он вознаграждение получает за свои труды.

А потом приходит время, когда все расцветает, когда это поле вдруг покрывается плодами, когда на нем вырастают цветы или начинают плодоносить деревья. Это уже похоже на райский сад. Собственно говоря, кем задумал Господь человека? Как раз вот таким земледельцем. И вручил ему Царство Небесное, которое он потерял. Поэтому над своим собственным огородом, над своей собственной землей он и трудится. И если трудится усердно, то оказывается полон Божественных даров и вдруг понимает, кто этот главный его садовник, кто, собственно говоря, хранил этот сад, посылал в этот сад солнце, посылал в этот сад дожди, посылал в этот сад «благорастворение воздухов», о котором мы молимся. Человек вдруг понимает, что сад-то ему уже и не нужен, потому что ему необходим Сам Господь. Тогда человек не боится ада, потому что от ада он совершенно свободен. Ему уже не нужен этот райский сад маленький, потому что у Бога всего много, у Него весь мир. Человек начинает все делать для Бога уже не как раб, не как наемник, а из сыновнего чувства любви. Поэтому эта ступень называется «сыновство». Оно изгоняет всякий страх.

Человек в страхе Божиим проходит вот эти три ступени: раба, наемника и сына, который не трудится ради награды, но пребывает верным Богу до конца. Вот, собственно говоря, к чему сам человек Богом и призван. А Сын Божий — это Господь наш Иисус Христос. Это значит, что в каждом из нас могут открыться те качества, те чувства, которыми обладает Христос. Хорошо бы, чтобы мы научились, скажем, смотреть на мир, как смотрел Христос, людей слышать, как слышал Христос, приходить на помощь по зову, как приходил Христос, просить, как Христос, любить, как Христос, страдать и сострадать, как Христос, жертвовать собой, как Христос. Собственно говоря, это и есть смысл нашей христианской жизни.

Страх Божий - чувство очень трепетное. Вообще, страх, о котором мы говорим, имеет синоним «трепет». Этот трепетный страх Божий несовместим с некоторыми вещами в человеческом характере. Пока от них не избавишься или не будешь их от себя отгонять, страх Божий в твоём сердце не поселится. Вот дерзкий человек, например, не может иметь страх Божий. Дерзкий, то есть бесстрашный человек.

Есть два понятия, которые часто путают: мужество и бесстрашие. Это совершенно разные понятия. Мужественный человек — это тот, кто умеет победить страх ради высокой цели. А бесстрашный человек, мне кажется, — это тот, кто пытается доказать, что он ничего не боится. Мужественный человек никому ничего доказывать не будет. Он просто будет стремиться к победе, прежде всего, над собой.

Вот смотрите. Христос заповедует: если тебя кто-то ударил по одной щеке, подставь ему другую. Что за этой заповедью стоит?

— *Преодоление гордости?*

— Ну, преодоление зла, прежде всего. Господь учит нас, чтобы мы не отвечали злом на зло. Лучше претерпеть обиду, чем на обиду ответить другой обидой. Лучше взять на себя удар и вытерпеть его, нежели умножить его. Удар — это один удар, а удар на удар — это уже два удара, и за ними последуют новые. Очень тяжело, когда тебя обижают, тем более, когда тебя ни за что бьют, но у тебя есть возможность на удар не ответить. Это можно сделать по-разному. Ну, например, кто-то может испугаться и не ответить на удар. Это не имеет отношения к заповеди Христовой. Если ты просто боишься, то лучше ответить на удар, чтобы, по крайней мере, победить свою трусость. Но если ты можешь ответить на удар так, что другим мало не покажется, а ты вдруг почему-то не отвечаешь - по моим представлениям, это очень мужественный поступок, потому что человек в этот момент побеждает свою гордыню, человек побеждает свою злость, человек побеждает самого себя, и это огромный подвиг. А вот бесстрашный человек, в моем представлении, не может не ответить ударом на удар. Почему?

— *Ну, может, чтобы доказать, что он не хуже?*

— Не хуже, да. Этот человек ответит ударом на удар, чтобы никто не подумал о нем, что он трус.

Мужественному человеку все равно, что о нем подумают. Для него важно, как он поступает в глазах Бога. Бесстрашный человек будет думать о том, как он поступает в глазах других людей. Значит, какой это страх? Это страх чужого мнения. Когда человек все время кому-то что-то доказывает, значит, он все время живет с оглядкой на чужое мнение. Он не свободен. Такой человек, наверное, не боится каких-то опасных ситуаций, он может бесстрашно идти в бой. Но одновременно с этим он будет доказывать, что у него вообще нет никаких пределов, что он греха не боится, например, не боится Бога. Такой человек оказывается дерзким по отношению ко всему тому, что дорого другим людям. Он может с легкостью осмеять самое дорогое и унижить самое трепетное. Потому что он ничего не боится. Вот в душе такого человека страх Божий поселиться не может.

Бесстрашие - вещь, Богу негодная, а мужество — это то, что является основой любой добродетели. Например, если мы хотим быть честными, то наша честность проявляется когда? Когда у нас есть возможность солгать. Вот мы можем обмануть, причем так, что никто не догадается, а мы все равно остаемся честными, даже если нам это невыгодно. Человек, который остается честным, когда у него есть возможность солгать в своих интересах, проявляет мужество быть честным. Быть честным просто так, когда нет никаких искушений, очень легко. Быть добрым, когда у тебя нет никаких искушений, очень легко. Быть вообще в добродетели, которая тебе ничего не стоит, очень легко. Наша добродетель, любое наше хорошее качество проявляется в тот момент, когда у нас есть выбор. И вот тогда вступает в свои права мужество. Когда есть мужество, человек побеждает.

Почему смерть нельзя «задобрить»?

Мы знаем, что есть предел человеческой жизни, который называется смертью. А потом наступает некое воздаяние за эту жизнь - либо светлое, либо темное. Либо радость, либо мука. Эти представления о человеческом посмертном существовании - общие для всех религий. Смерть в представлении многих людей оказывается неким порогом, через который надо как-то перепрыгнуть. Надо эту смерть как-то «задобрить». Человек думает: «Если я буду делать добрые дела, тогда после смерти я попаду в рай». Если мы так думаем, добрые дела в нашей жизни приобретают значение не добра как такового, а вынужденного действия, которое мы обязаны совершить. Получается, что смысл

жизни в том, чтобы перескочить через смерть с багажом подачек, которыми мы будем откупаться, чтобы нас не мучили.

Если мне встречается человек с такими представлениями о жизни и смерти, я ему обычно говорю: «Вы знаете, вообще христианство — это совсем про другое. Христианам не нужно откупаться от смерти добрыми делами. Христианство говорит о том, что смерть не надо „задабривать“ просто потому, что смерти нет». Но если нет смерти, тогда нужно разобраться с тем, что такое жизнь.

Мы уже говорили, что в человеке есть жизнь животная и есть еще другая жизнь, которую Господь вдохнул в человека. Это дух святости, дух вечности, дух свободы, дух любви, дух красоты, дух творчества, дух разума. Бог вдохнул в человека все свои свойства, которые и перечислить невозможно, потому что Бог — бесконечен. Дух, вложенный в человека, — это и есть жизнь. И об этой своей жизни человек знает не много. А начинает о ней узнавать только тогда, когда начинает узнавать Бога, потому что Он есть жизнь. Когда человек узнает Бога, вот тогда в нем просыпается вот эта самая жизнь и жажда этой жизни. Может даже возникнуть чувство горечи оттого, что человек в себе не находит в достаточной степени той прекрасной жизни, которую вдохнул в него Господь. Оказывается, в нем много такого, что оскверняет эту великую, вечную, бесконечную божественную жизнь и божественную красоту. Например, лживость, жадность, гордыня, зависть. Да мало ли что! Все эти качества изгоняют красоту, которую вложил Бог в человека. А когда изгнана божественная красота, человек начинает цепляться за ту жизнь, которая проще и понятнее, — за животную, биологическую жизнь. Тогда он начинает усиленно заботиться о том, чтобы получше устроиться в жизни, чтобы иметь свою территорию, чтобы на эту территорию не заходили чужие. В животном мире надо быть сильным, надо быть с клыками, с когтями, надо охранять свое жилище, надо уметь урвать кусок получше. Мы, конечно, так не говорим, у нас есть более красивые слова: успех, карьера, благополучие и так далее. Звучит намного привлекательнее, но по сути своей за этими словами стоит самая примитивная животная жизнь. Именно она обычно выходит на первый план, потому что человеку не хватает той самой жизни, которую вдохнул в нас Господь.

Человек обычно живет своей обыденной жизнью, иногда делает добрые дела, и ему кажется, что за это где-то там, на небесах, ему сразу поставят пятерку. Если сделали что-то не так, то сразу: «Ой-ой-ой, двойку схлопотал! Значит, теперь надо сделать два добрых дела, чтобы исправиться». Получается, добро - отдельно, а мы - отдельно. Мы не живем добром как таковым, а совершаем добрые дела вынужденно, из страха. А тот, кто сегодня, сейчас учится жизни у Бога, понимает: это и есть та самая жизнь, которая будет всегда. Вот этой жизни и надо нам всем учиться.

— *Можно вопрос? Человек не ходит в церковь, он просто очень добрый и очень хороший, но не православный. Можно ли его назвать святым?*

— Есть ли разница между святым и просто очень хорошим человеком, между христианином и порядочным человеком? Да, есть, и очень большая. Есть вещи, которые человечество выработало себе как некий кодекс чести, кодекс поведения, кодекс правильных отношений. Это называется словом «этика» и «хорошее воспитание». И мало кто думает о том, что в основе хорошего воспитания лежит христианская культура. Современная цивилизация довольно сильно разрушила представление о порядочном человеке, нравственном человеке. Но тем не менее в кодексе хорошего человека по-прежнему сохраняется представление о том, что нельзя убивать, нельзя воровать, нельзя предавать друзей. Это важно, необходимо, но это еще не святость. У святого человека обязательно есть личные, живые отношения с Богом.

Кого Господь зовет на свой пир?

Давайте прочтем отрывок Евангелия от Луки. Глава 14, стих 16: «Один человек сделал большой ужин и звал многих, и когда наступило время ужина, послал раба своего сказать званым: идите, ибо все уже готово. И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: я купил землю, мне нужно пойти и посмотреть ее; прошу тебя, извини меня. Другой сказал: я купил пять пар волов и иду испытать их; прошу тебя, извини меня. Третий сказал: я женился и потому не могу прийти. И, возвратившись, раб тот донес о сем господину своему. Тогда, разгневавшись, хозяин дома сказал рабу своему: пойди скорее по улицам и переулкам города и приведи сюда нищих, увечных, хромых и слепых. И сказал раб: господин, исполнено, как приказал ты, и есть еще место.

Господин сказал рабу: пойди по дорогам и изгородям и убеди прийти, чтоб наполнился дом мой. Ибо сказываю вам, что никто из тех званых не вкусит моего ужина, ибо много званых, но мало избранных».

Вот такая притча о званых на пир. Она всегда читается за несколько недель перед Рождеством, потому что путь к Рождеству Христову, путь ко Христу — он обусловлен для человека очень важными деталями. Не всякий человек идет ко Христу. Кажется, что Господь пришел в этот мир для того, чтобы все люди спаслись. И действительно, в этой притче мы видим, как Господь зовет людей к себе. Причем путь к Богу показан как путь на пир. Мы часто слышим, что жизнь в Боге — это крест, что это тяжесть, что это испытания, которые Господь посылает человеку, а в этой притче открывается совсем другое. Бог зовет к себе на пир. Причем обращается к самым близким, к тем, кого он хорошо знает. Обращается к одному и говорит: «Приходи ко мне на пир», а тот говорит: «Нет, прости, не могу. Я купил новых волов, и мне надо посмотреть, как они пашут землю». К другому приходит, тот говорит: «Нет, не могу. У меня земли много, жизнь бурлит, бизнес развивается. Я должен этим заниматься». Третий говорит: «Ой, знаешь, у меня свой пир. Я женился, и мне не до тебя». Все отказались. Почему? Я бы еще понял, что человек отказывается от страданий. Я бы еще понял, что человек отказывается от испытаний, от креста. Но тут люди отказываются от радости! При чем тут Рождество? А при том, что Рождество для нас всегда ассоциируется с пиром, с подарками, с ощущением радости. Но некоторые отказываются от этой радости.

И это удивительно! Удивительно и грустно. Оказывается, что от радости человек может легко отказаться, потому что радость в Боге и радость своя собственная могут не совпадать друг с другом. Человек, который думает все время о себе, который влюблен в самого себя, которого интересует только выгода, оказывается, не способен радоваться. Нам часто кажется, что главная радость — в приобретении, например, когда дарят подарки. Если нам на праздник подарок не подарили, то нас вроде как обидели, лишили радости. Нам кажется, что главная радость — это когда у нас есть что-то такое, что мы никому не отдадим. Это могут быть наши увлечения, или наша собственная гордыня, или увлечение самим собой. Все смотрят на меня и думают: «Вот это да! Как это у него все так хорошо получается! Земли покупать или волов испытывать. Или посмотрите, какую он семью такую создал! Всем на загляденье. Только в журналах Cosmopolitan такие фотографии увидишь!» Какие-нибудь звезды Голливуда поженились, и все думают: «Вот она, радость настоящая! Вот она где, жизнь-то!» А потом что? Волы померли, земля оказалась бесплодной, семья - несчастливой. Так бывает очень часто, когда человек пытается всю радость присвоить себе самому и не думает о том, что есть какая-то другая радость. Потому что радость во Христе - она вообще-то немножко в другом. Это радость, когда человек умеет открыться для Бога.

И тут очень важно, чего мы хотим от Бога. Потому что если мы хотим от Бога каких-то вещей неважных, второстепенных, материальных, то призыв, который раздался в Евангелии: «Придите ко мне на мой пир», мы не услышим. Потому что пир — это где Господь раздает свои дары. Вы знаете, еще в древности, в тот период, когда рассказывалась эта притча, был такой обычай на Востоке: когда

созывался такой пир, хозяин обязательно всем гостям дарил одежду. Новую, красивую, чистую, светлую одежду. Пир в те времена был событием уникальным. Он не совершался каждую субботу или каждый месяц. Для этого нужен был особый повод — рождение сына, например, или свадьба, или какое-то еще торжество. На пир собирались самые близкие, самые дорогие. Им раздавалась одежда в знак того, что они разделяют с хозяином его радость.

На самом деле самое главное, что Господь нам дарит, — это радость. Не страдание, не мука, не крест, не обстоятельства жизни, а радость. Но Его радость отличается от нашей радости. Мы радуемся, когда что-то присваиваем, а Господь радуется, когда отдает. Посмотрите, Господь все время раздает. Он - тот, кто раздает дары. Мы приходим в храм на Евхаристию - благодарение, на благой дар. Мы причащаемся Святых Таин Христовых — это самый высший дар, в котором Господь отдает нам самого Себя. Таинство Причастия — это когда мы принимаем Тело и Кровь Христовы, то есть самого Христа. Он нам отдает Свою жизнь. Он нас наполняет Своей глубиной, чистотой, вечностью.

Знаете, как люди отдают? Вот мы часто собираем вещи для бездомных. Понятно, что в этом нет никакой жертвы. Люди приносят ненужные вещи. Слава Богу, они могут послужить бездомным людям. Но можно ли назвать это даром? Да нет, конечно! Это мы должны быть благодарны бездомным за то, что они очищают наши шкафы от ненужных вещей. Это не дар. Вот Бог — Он дарит. Он действительно дарит дары. Он все время раздает самое дорогое, что у Него есть. Он все время раздает самые дорогие вещи.

Смотрите, какой прекрасный дар - прощать. Согласитесь, что простить бывает очень тяжело. Обида разъедает сердце, лишает сил. Человек знает, если он простит, ему станет легче, но все равно не может простить. Когда мы приходим на исповедь и получаем прощение от Бога, мы даже не задумываемся о том, чего это Богу стоит. Мы все время думаем, что вот мы пришли на исповедь, и как-то автоматом благодать Святого Духа на нас снизошла, и мы получили прощение грехов. Нам даже в голову не приходит такая мысль, что Богу может чего-то стоить это прощение. Он же Бог! Ему так просто нас простить, выполнить наше желание, ответить на нашу молитву. Может быть, так и есть?

А давайте обратимся к Евангелию и посмотрим, чего стоит Богу стать человеком, бежать от Ирода, ходить по земле, не имея, где главы преклонить. Чего стоит Богу потом пойти на крест, чего стоит Богу распяться, сойти во ад. Вот это цена нашей просьбы: «Прости нас, Господи». Если я пришел к Богу просить прощения и Он меня прощает, это непросто. Это значит, что Он берет на себя мои грехи. Это значит, что кровь на кресте пролилась и за меня, и это распятие — оно для меня, и Его рождение на земле — для меня. Радость Христова, которую Он нам дает, — это радость, когда можно делиться все время собой. Господь все время себя раздает, он все время всех слышит. Заметьте, как важно слышать другого человека. Это легко — слышать другого? Это совсем нелегко. Слышать, как бьется его сердце, как страдает его душа или как зло в нем кипит. Вот так Господь каждого из нас слышит и все знает про нас. Бог нас воспринимает как своих детей.

Я к чему это говорю? К тому, что когда нас с вами Господь зовет на пир, Он зовет нас радоваться той радостью, которую Он нам дает. Что это значит для Бога - дать нам радость? Бог ведь не Дед Мороз и не волшебник добрый из сказки. Это живой Бог. Он просто отдает себя. Знаете, в пьесе Метерлинка «Синяя птица» есть такой персонаж — Хлеб. Он все время дает себя есть. Бог — это тот хлеб, который все время отдает нам себя в пищу. Хлеб нашей жизни. Он самим собой платит за все. Бог зовет нас на этот пир радости. И мы вдруг понимаем, что если мы на этот пир пойдем, то нам придется, как и Он, тоже делиться. А делиться не хочется, а делиться тяжело. Хочется только все присваивать, присваивать — я, мне, мое.

И тогда вот дальше в притче говорится: идет Господь на улицу и всех зовет — бездомных, хромых, слепых, глухих, тех, кого все презирали. Вот мы себя считаем такими настоящими, умными, талантливыми, креативными, свободными, раскованными, и вдруг оказывается, что есть такие

простые-препростые люди, которые в отличие от нас способны радоваться и делиться и Бога за это благодарить.

Если мы так войдем на пир, как нас Господь зовет, — оставив все свое, радуясь вместе с Ним, делаясь своим сердцем, — то вот она, радость сразу. И эта радость такая огромная, что ее хватает на всех и еще остается. Главное - захотеть радоваться.

— *А разве радость чего-то стоит?*

— Самое главное в жизни человека очень дорого стоит. Любовь стоит очень дорого, поэтому любовью стоит дорожить. Радость стоит очень дорого, поэтому радость надо уметь хранить. Прощение стоит очень дорого, поэтому надо отвечать на прощение какими-то добрыми делами. Если нет таких вещей, которые дорого стоят, то и смысла в жизни нет.

О святости Церкви

Про святость Церкви мы узнаем через присутствие Святого Духа. Когда Господь вознесся на небо, Он послал к апостолам Святого Духа. В этот момент, собственно говоря, Церковь и начала существовать. Раньше, когда Христос был вместе с апостолами, их можно было назвать группой, состоящей из учителя и учеников. Это была такая особенная община, Церковью во всей полноте ее назвать было невозможно. А вот когда Господь совершил свой подвиг искупления, когда Он взял на себя грехи всего мира, когда Он спас человека от вечной гибели, от смерти вечной, от греха, от дьявола, когда Он принес вечную жизнь людям и возможность через эту вечную жизнь человеку с Богом соединиться - вот тогда и начала существовать Церковь.

Пока Христос ходил по земле, он был только Мессия — тот, о ком проповедовали пророки. Он был исполнением этих пророчеств до того момента, пока люди не узнали в нем Бога, пока апостолы не исповедали в нем Сына Божия. Только после этого Христос открывает своим ученикам тайну Своего пришествия в мир.

Раньше люди думали, что посланник от Бога, которого все ждут, — это какой-то особенно прозорливый пророк, или особенно могущественный царь, или очень мудрый, самый мудрый учитель. Поэтому Христос спрашивал своих учеников: «За кого почитают люди Сына Человеческого?» Обратите внимание: в Евангелии Он все время называет себя Сыном Человеческим. Это очень важно. Он не просто не стеснялся, не просто не боялся, а как бы настойчиво утверждал свою человеческую природу, показывая, как Он близок каждому человеку, как Он близок каждому из нас. И вот апостолы отвечают, что люди почитают Его за пророка Илию, снова пришедшего на землю, или за другого пророка. И только Петр, которому Сам Господь открыл истину, исповедует перед всеми апостолами Христа как Сына Божия.

С этого момента Христос начинает своим ученикам открывать тайны Царства Небесного. Самая главная из них была тайна Его распятия и воскресения. И все-таки, после того как Он воскрес, апостолы не сразу поверили в это воскресение. Они не стали сразу другими людьми. Им все еще было страшно, как и всем было бы страшно в такой ситуации. Они запирались в комнате, боясь себя явить миру, и даже не думали проповедовать Христа! Но Христос, являясь им после Своего воскресения, снова и снова учил их, открывая им тайны Царства Небесного, открывая им смысл Священного Писания, смысл человеческой жизни, смысл веры.

А затем Он вознесся на небеса и послал ученикам Святого Духа, то есть третью ипостась Святой Троицы. И сошествие Святого Духа наполнило апостолов той благодатью, которая превратила их общину в настоящую Церковь. Святой Дух, наполняющий Церковь, делает ее святой. Эта святость идет через благодать священства, потому что первые апостолы в момент сошествия Святого Духа

стали священниками и передали полученные от Бога святые дары людям.

Вообще, апостолы после сошествия Святого Духа очень сильно изменились. Им уже не было страшно. Они уверенно пошли в мир, к людям, которые их не любили, и, не боясь ничего, начали проповедовать Христа. Их за это арестовывали, сажали в тюрьмы, избивали. В конечном итоге все апостолы, кроме Иоанна Богослова, закончили свою жизнь как мученики. Каждый из них пошел путем Христа, и многие из них были распяты, как Христос.

А Иоанна Богослова Господь хранил. За проповедь учения Христа святителя Иоанна сослали на остров Патмос в Греции. Этот остров - пустынное, безлюдное место. В ноябре-декабре никакие пароходы туда не ходили и до сих пор не ходят. Так что большую часть времени население острова находится в полной изоляции. А в те времена - тем более.

На Патмосе написано Евангелие от Иоанна и великая книга о Втором Пришествии — Апокалипсис. Тайна смерти Иоанна Богослова до сих пор не раскрыта. Кто-то считает, что он умер, как человек, и был погребен. Другие предполагают, что он был восхищен на небо живым, потому что тело после его смерти не нашли.

Благодать Святого Духа, которую получили апостолы, благодать их священства благоговейно хранится в Церкви и передается через таинство рукоположения. Апостолы, путешествуя по миру, проповедуя Христа, основывали Церкви. И несмотря на то, что в то время, как мы прекрасно знаем, не было никаких средств массовой информации, почта доставлялась либо голубями, либо гонцами, либо почтовыми лошадьми, христианство очень быстро завоевало мир. Мир был очень враждебно настроен по отношению к христианству, но за три столетия он стал христианским! Это, конечно, чудо из чудес. Это стало возможно только благодаря благодати Святого Духа.

Апостолы основывали церковные общины и оставляли там вместо себя епископов, то есть они сами начали рукополагать священников, которые имели право крестить, совершать Божественную литургию, отпускать грехи, благословлять церковные браки. Также рукоположенные апостолами священники могли передавать благодать священства дальше, чтобы она никогда не прерывалась. Так продолжается до наших дней. В Православной Церкви благодать апостольского священства не прерывалась никогда в течение двух тысяч лет. Эта благодать хранится Церковью непреложно. И святость Церкви - в этой благодати Святого Духа, хранимой и передаваемой в таинстве священства. Церковь, где прерывается благодать священства, перестает быть Церковью, лишается Духа Святого и перестает быть Церковью.

Мы приходим на исповедь — и это святость Церкви через благодать Святого Духа прощает наши грехи. Мы приходим к Причастию — и это святость Церкви, передаваемая через действие Святого Духа во время литургии, во время молитв всей Церкви и благословение священника, делает обычный хлеб и обычное вино истинными Телом и Кровью Христовыми. Во время Крещения человек заново рождается в купели, в воде - и это благодать Духа Святого делает его рожденным во Христе, то есть христианином. А таинство Миропомазания, когда священник после Крещения помазывает человека освященным маслом, дает ему те же дары Святого Духа, которые получили апостолы в день Пятидесятницы. Это масло называется миро. Через помазание миром и молитву священника Святой Дух сходит на каждого христианина. То есть каждый из нас, крещенный в Церкви, имеет те же дары Святого Духа, которые получили все христиане и апостолы.

— А зачем нам дары Святого Духа, если они есть в Церкви? Мы же все равно приходим в Церковь и получаем там благодать. Разве этого недостаточно?

— Эти дары нам даны для того, чтобы мы стали святыми. Именно святыми. Чтобы мы соответствовали святости Христа. Конечно, Церковь сама по себе уже свята, но мы-то приходим туда ну совсем не святыми, правда же? И люди нецерковные чаще всего видят в нас, христианах, прежде

всего, наши недостатки, наши недостойности. А это значит, что мы своим примером вряд ли кого-то приведем ко Христу. Потому что чаще всего люди начинают верить во Христа, когда встречаются настоящего христианина, подтверждающего христианское учение своей жизнью. Это очень важно — не просто проповедовать благовест, но и свидетельствовать о ней своим примером. Если я проповедую одно, а сам живу по-другому, в мои слова мало кто поверит.

— Как же стать лучше?

— Это возможно только по благодати Духа Святого, которая заложена в каждом из нас. Несмотря на наши недостатки, безволие, бессилие, дары Святого Духа могут нас преобразить. Бывает, человек иногда очень хочет стать лучше, но у него ничего не получается, потому что один грех цепляет другой грех. Скажем, человек делает доброе дело и тут же впадает в тщеславие, начинает себя хвалить. А потом думает: «А все ли понимают, какой я добрый и хороший?» И начинает хвалиться вслух, а люди над ним смеются. Он обижается, злится, и в итоге от доброго дела ровным счетом ничего не остается. Вот в такой замкнутый круг иногда выстраиваются наши грехи.

Поэтому доброе дело само по себе ничего не значит, если ты не понимаешь, что совершил его через Святого Духа, который в тебе заложен. Это Господь в тебе действует. Только благодаря Ему ты способен делать добрые дела. Вот когда человек это понимает, в нем могут зародиться очень важные христианские качества — смирение, любовь, терпение, снисхождение к другим людям, милосердие. Смотрите, что об этом пишет апостол Павел в своем Послании к галатам: *Братья, плод Духа есть любовь, радость, мир, долготерпение, благость, кротость, милосердие, вера. И на таковых нет законов, потому что они больше всего закона* (см. Гал. 5: 22-24). Вот он, плод Святого Духа. И этот плод человек, оказывается, способен в себе возрастить и сделать его своим главным качеством, своим характером, своим стержнем.

И потому, что в христианах есть Святой Дух, они могут стать святыми. И они становятся святыми, если ставят это целью своей жизни. Мы должны знать, что Церковь святая еще и потому, что каждому из нас дано задание — двигаться к святости, стараться быть святым. А если мы будем все время говорить: «Не, ну, святые — это какие-то такие люди, где-то там далеко они живут, на облаках, на небесах, и к нам отношения не имеют; и я святым не буду» - это будет означать отказ от того предназначения, которое Церковь каждому из нас вручила. Святость Церкви не только в Святом Духе, святость Церкви еще и в человеке. Вспомните, Христос все время называл себя Сыном Человеческим. А почему? А чтобы каждый из нас захотел быть Сыном Божиим.

— В Евангелии есть такие странные слова: *Аз есмь дверь: мною аще кто внидет, спасется; и внидет и изыдет, и пажитъ обрящет* (Ин. 10:9). Что это значит?

— Христос — это дверь, всегда открытая для человека. Через нее он может обрести смысл своей жизни, через нее он может найти для себя настоящее богатство. Если ты зашел этой дверью, Христос не держит тебя. Ты имеешь право свободно уйти. Он не запирает дверь на ключ. Наша Церковь - не секта, наша Церковь — это общество свободы. Поэтому «внидет и изыдет». То есть нам дана равная возможность и спастись, и не спастись, и входить этой дверью, и отказываться от нее.

Что такое «соборная Церковь»?

Сегодня мы будем говорить о том, что такое Соборование, что такое соборность, что значит соборная Церковь. Слово «соборность» вы наверняка слышали много раз. Давайте попробуем сейчас разобраться, что оно означает.

Слово «церковь» по-гречески звучит «эклесия». Это слово переводится как «собрание людей». Что же это получается — масло масляное? Соборное собрание? Или все-таки в словосочетании

«соборная Церковь» есть какой-то особенный смысл? Да, есть: Церковь собирает все-все православные Церкви во единую Церковь. Она собирает всех-всех людей без различия наций, культур. Это значения для Церкви не имеет.

Кто глава Православной Церкви?

— *Патриарх!*

— Нет. Глава Церкви не патриарх. Глава Церкви - Господь наш Иисус Христос. Вот поэтому Церковь у нас едина, поэтому в Символе веры мы говорим, что веруем «во единую святую апостольскую Церковь». Поэтому Церковь не разделяется на разные отдельные церкви. Она действительно едина, потому что ее возглавляет Христос.

Многие люди считают, что Церковь — это такая мощная организация со своей вертикалью власти, со своей экономикой, со своей политикой, со своими чиновниками. В каком-то смысле это действительно так. Церкви как земному сообществу присущи какие-то черты земной организации. Ну, например, мы в приходе включаем электричество - лампочки горят, счетчик крутится. Значит, кто-то должен отвечать за то, что будет оплачена электроэнергия. Значит, кто-то должен вести бухгалтерию храма, потому что храм содержится на пожертвования прихожан. В масштабах всей Церкви одной бухгалтерии мало - нужна экономическая политика. Так же и со всеми остальными составляющими любой организации: в Церкви есть свои чиновники, своя канцелярия, свои начальники и подчиненные. Но все это не Церковь в ее сути. Это не имеет ровно никакого отношения к нашему спасению, к учению Церкви, к духовной жизни. Это просто внешние формы существования. Ну, как в каждой семье есть семейный бюджет, есть обязанности по дому - кто мусор выносит, кто посуду моет. Без таких правил семья существовать не может, но суть семьи не в этом. Это мы прекрасно понимаем.

Так вот, Церковь — это не организация, а это настоящий организм. Нам всем известен организм по нашему собственному телу. Организм - явление очень сложное. В нем есть земная, биологическая часть, а есть что-то такое непостижимое, духовное — наши мысли, наш разум, наши чувства, наши глубокие переживания, что-то такое, что мы сами в себе не до конца понимаем. Все эти части в совокупности и есть человек. Одно без другого не существует. Так и Церковь. Она живет и внешней организацией, и внутренним потенциалом силы, и Духом Божиим, и человеческим духом. Помните, мы с вами говорили, что святость Церкви — это Святой Дух, который действует в ней? Это таинства, которые в Церкви совершаются. Но это еще и наши устремления к святости, это и еще и наша задача быть святыми. Церковь в каком-то смысле - как человек, как человеческий организм. Мы состоим из тела и души. И Церковь состоит из нас, телесных людей, и Духа Святого. Апостол Павел говорил, что Церковь — это тело Христово, а все мы - его члены. Кто-то глаза Церкви, кто-то язык Церкви, кто-то уши. И вот апостол Павел говорит: «Неужели глаз может сказать уху, что ты мне не нужно? А рука сказать ноге: “Могу обойтись без тебя”?» Не может же, правда? Так и мы в Церкви друг без друга не можем обойтись. Мы все друг другу необходимы. Вот такими нас делает Церковь.

А если у тела начинает болеть хотя бы один из его членов, ну, например, зуб, каково нам тогда? Мы ни о чем другом думать не можем, как только о больном зубе. Все тело подчиняется этой боли. И вот апостол говорит: если в Церкви кто-то заболевает грехом, какой-то член начинает гнить, вести себя не по-христиански, то вся Церковь страдает от этого. А если наоборот, кто-то прославляется как святой, вся Церковь торжествует.

Так вот, мы - тело Христово. Мы все вместе во Христе. Мы все вместе собраны Им в такой организм, где только Он может быть главой нашим. И Он нас действительно собирает, разных людей — по разным национальностям, по разным культурам, из разных народов. И мы все во Христе становимся равными. Это не значит, что мы становимся одинаковыми. Быть равным и одинаковым совсем не одно и то же. Мы имеем равные права, равную благодать, равное богатство, равную любовь

от Бога — вот в чем наше равенство. При этом каждый остается самим собой. Поэтому существуют разные православные Церкви. Они все разные. Русская Церковь не похожа на Грузинскую, не похожа на Болгарскую, не похожа на Греческую. Каждая Церковь отличается от других своим голосом, своим лицом, своей традицией, своим богослужением, своим пением, своей иконописью, своей архитектурой. Но перед Христом мы все равны. И наша любовь ко Христу, и наш опыт духовный оказываются для нас очень важными. Мы, например, почитаем греческих святых, а они почитают наших святых. Мы читаем послания греческих святых отцов, или арабских святых отцов, или сирийских святых отцов, и они нам очень дороги. А они читают жития наших святых и удивляются, какие святые люди жили на нашей земле. Это всех нас обогащает. И вот это действительно один из признаков соборности Церкви, потому что Церковь — это сам Господь наш Иисус Христос.

— А кто же тогда Патриарх? Наместник Бога на земле?

— Наместник замещает того, кого сейчас нет. Но Христос всегда с нами. Вот наше расхождение с Католической Церковью в основном в этом и заключается - в понимании того, кто есть глава Церкви. Римско-Католическая Церковь считает, что главой Церкви является Римский Папа, он наместник Бога на земле и ему принадлежит вся церковная власть. Поэтому Римский Папа один решает, что для Церкви важно, а что для Церкви не важно, что верно, а что неверно, что истина, а что ложь. Существует даже догмат о непогрешимости Римского Папы. Это не значит, что Римский Папа как человек не может совершать грехов. Об этом речи не идет. Но считается, что если Римский Папа как глава Церкви говорит какое-то слово, то ошибиться он не может. А вот наша Церковь так не считает. Она считает, что непогрешим только сам Господь. И поэтому наша соборность заключается вот еще в чем: все самые сложные вопросы, недоумения, проблемы Церковь решает только вместе, только сообща, только соборно. Если в Церкви есть какая-то проблема, наш Патриарх не может сказать: «Так, эту проблему я решаю сам. И будет так, как я хочу». Когда у нас в течение многих столетий возникали ереси, разномыслия среди христиан, непонимания евангельские, ложные учения, Церковь их решала всегда как? Совместно, сообща, соборно. В истории Церкви состоялось семь так называемых Вселенских Соборов. Семь раз в течение последних двух тысячелетий церковные представители со всего мира собирались вместе решать общие проблемы и понимали, что вместе с ними действует Дух Святой, который, собственно говоря, является главным источником нашей жизни внутри Церкви. Собор принимал решения согласованно, по молитве. Считалось, что эти решения принимаются по наитию Божию, по слову Божию и по воле Божией. Поэтому, когда принимается решение Собора, в документах записывают: «Изволилось Святому Духу и нам решить то-то, то-то, принять за истину то-то и то-то». И сейчас главным в нашей Церкви — не главой, а главным в земном устройении нашей Церкви — является именно собор епископов, или Архиерейский Собор, который возглавляет Патриарх. Когда наша Церковь принимает какие-то решения, все епископы собираются вместе.

Но самым важным является даже не собор епископов, не Архиерейский Собор, а так называемый Поместный Собор, когда решаются наиболее насущные для Церкви вопросы. Ну, например, избрание Патриарха. И на Поместный Собор приходят делегаты от всей Церкви - епископы, священники и миряне, мужчины и женщины. Все члены Церкви выбирают от прихода, от благочиния своих делегатов, посылают их на Собор, и там выносятся решения от лица всей Церкви. А мнение Церкви — это мнение Духа Святого, Господа нашего и наше, с ним согласованное. Вот поэтому мы - соборная Церковь. Можно сказать, что Церковь — это наивысшая форма демократии и свободы, но подчиненная Духу Божию. Человек говорит: «Я считаю так, а ты, Господи, как считаешь?» И тогда наши ошибки Божественным Духом, Божественной силой исправляются, потому что мы готовы отказаться от своих ложных убеждений ради правды Божией.

Спасутся ли животные?

Мы с вами говорили, что у человека есть две формы жизни. Первая - природная. В этой жизни человек живет так, как и вся природа: рождается, оставляет потомство, умирает. В общем, такой жизнью мы не сильно отличаемся от всей живой природы. Эта жизнь не имеет отношения к вечности. Очень часто мне задают такие вопросы: «Спасутся ли животные? Будут ли животные жить в раю? Будет ли у животных вечная жизнь?» На эти вопросы однозначного ответа нет. Есть только предположения и гипотезы. Этому миру вечная жизнь Богом не дана. Когда Господь творит живую природу, когда Господь творит растения, потом разные виды животных, от простейших к сложным, от рыб, птиц к млекопитающим, этим животным тоже дается жизнь, они тоже живут, у них тоже есть душа, потому что об этом говорится в Библии. Они называются живую душою. Английское слово animals происходит от латинского anima, что означает «душа». То есть у животных есть живая душа. Но эта живая душа не имеет вечного бытия. Вечное бытие имеет Бог. Он вечен.

Человек тоже живая душа. Но это же совсем другая живая душа, нежели у животного! Животное творится Богом из земли, а человек становится человеком после того, как в него свое дыхание вдыхает Господь. Он становится человеком после того, как в нем отображается вечный Бог. И с этого момента человек приобретает возможность вечной жизни. Это очень важно и интересно, что, оказывается, у человека есть две формы жизни. Одна - которая умирает, а другая - которая не может умереть, потому что Бог вечен и Бог есть сама жизнь. И вот вдруг человек становится этой необыкновенной живой душой, которая умереть уже не в состоянии. Он может умереть одной из своих форм жизни, а другой своей формой жизни он не может умереть.

Человек, созданный Богом из праха земного, связан с небом, с вечностью. И вот в одном из своих посланий к римлянам апостол Павел пишет, что творение, то есть созданное Богом, страдает и мучается из-за человеческих грехов, что творение подчинилось этой суете умирания не добровольно, а именно потому, что человек согрешил, что человек вдруг разорвал свою связь с Богом. И дальше Павел пишет: *Тварь живет в надежде, ожидая избавления от сынов Божьих* (см. Рим. 8: 19), то есть от людей.

В Библии есть очень интересный момент. Когда Бог создал человека по своему образу и подобию, Он дал человеку возможность владеть всем творением, то есть как бы поставил его своим наместником на земле. Но владеть этой землей — это не стать директором цирка с кнутом. Человек должен был научиться владеть землей с любовью, ответственно, творчески, как миром владеет Бог. И вот человеку было вручено такое же владение этим миром, чтобы он приручал, скажем, животных. Бог подвел к человеку всех животных, и человек нарек животным имена, как бы приручил их, сделал их, с одной стороны, подвластными себе, а с другой стороны - своими помощниками. А себя сделал их хозяином, который заботится, любит, кормит, ухаживает.

Если человек связан с Богом, то есть с вечностью, то, передавая природе свою любовь через Бога, он может это творение тоже приобщить к вечности. То есть животные сами по себе смертны, но человек может дать этому миру бессмертие через любовь.

Вот две формы жизни: умирание и неумирание. Биологическое существование, которое для всех важно, и то высокое существование, которое приводит человека к вечности. Оно дано Богом как образ и подобие Божие в человеке. Как те чудные, потрясающие способности любить, творить, прощать, понимать, слышать. У человека есть выбор, у человека есть свобода выбора двух форм жизни, двух видов жизни. Приобретая жизнь вечную, человек не лишается жизни на земле. Он не теряет необходимости в еде, сне, в каких-то простых человеческих отношениях, в комфорте в том числе. Он просто эту примитивную форму жизни может таким образом преобразить, наполнить ее таким светом, что она окажется очень высокой и благородной и тем самым через это распространится на всю вселенную. Святые отцы говорили, что именно через человека Господь действует в этом мире.

Я понятно рассказываю?

— Да!

— Когда я говорю примерно так же со взрослыми, умными людьми, они не понимают, о чем идет речь.

— Может быть, прикол именно в том, что мы еще немножко дети?

— Может быть, именно в том, что вы еще немножко дети, и в том, что у вас еще есть понимание о жизни чистое, хорошее, неповрежденное.

Об авторе

Протоиерей Алексей Уминский родился в 1960 году в Москве. Окончил факультет романско-германских языков Педагогического института имени Крупской. В студенческие годы обратился к Богу и принял Святое Крещение.

В течение восьми лет работал учителем французского языка в общеобразовательной школе.

В 1990 году по благословению архимандрита Иоанна (Крестьянкина; 1910-2006) принял священный сан. В скором времени был назначен настоятелем Успенского собора города Каширы. В дальнейшем был переведен в Москву, с 1994 года является настоятелем храма Живоначальной Троицы в Хохлах.

Троицкий храм отец Алексей вместе со своими прихожанами возрождал буквально из руин. Приход храма Живоначальной Троицы представляет собой по-настоящему живую, сплоченную христианскую общину.

Отец Алексей несколько лет работал директором Свято-Владимирской гимназии, затем стал ее духовником и преподавателем Закона Божия.

Автор многочисленных публикаций. Член редакционного совета журнала «Альфа и Омега». С октября 2003 года — ведущий телепрограммы «Православная энциклопедия».

Об издательстве

Живи и верь

Для нас православное христианство - это жизнь во всем ее многообразии. Это уникальная возможность не пропустить себя, сделав маленький шаг навстречу своей душе, стать ближе к Богу. Именно для этого мы издаем книги.

В мире суеты и вечной погони за счастьем человек мечется в поисках чуда. А самое прекрасное, светлое чудо — это изменение человеческой души. От зла - к добру! От бессмысленности - к Смыслу и Истине! Это и есть настоящее счастье!

Мы работаем для того, чтобы помочь вам жить по вере в многосложном современном мире, ощущая достоинство и глубину собственной жизни.

Надеемся, что наши книги принесут вам пользу и радость, помогут найти главное в своей жизни!